

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ОСКАРА УАЙЛЬДА

С КРИТИКО - БИОГРАФИЧЕСКИМ
ОЧЕРКОМ И ПОРТРЕТОМ АВТОРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. И. ЧУКОВСКОГО

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приложение к журналу "Нива" на 1912 г.

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКС, С.-ПЕТЕРБУРГ

ГЕРЦОГИНЯ ПАДУАНСКАЯ.

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ.

Перевод Валерия Брюсова.

ЛИЦА ДРАМЫ:

СИМОНЕ ДЖЕССО, герцог падуанский.

БЕАТРИЧЕ, его жена.

АНДРЕА ПОЛАЙУОЛО, кардинал падуанский.

МАФФИО ПЕТРУЧЧИ
ДЖЕППО ВИТЕЛЛОЦЦИ
ТАДДЕО БАРДИ } придворные
герцога.

ГВИДО ФЕРРАНТИ, молодой человек.

АСКАНИО КРИСТОФАНО, его друг.

ГРАФ МОРАНЦОНЕ, пожилой человек.

БЕРНАРДО КАВАЛЬКАНТИ, верховный судья в Падуе.

УГО, палач.

ЛЮЧИЯ, девушка при герцогине.

Слуги, горожане, солдаты, монахи, сокольничьи с их соколами и собаками и т. п.

Место действия: Падуя.

Время действия: вторая половина XVI-го века.

Сцены драмы:

Акт I. Рынок в Падуе (25 минут).

Акт II. Комната в герцогском дворце. (36 минут).

Акт III. Галерея в герцогском дворце (29 минут).

Акт IV. Зала суда (31 минута).

Акт V. Темница (25 минут).

Стиль архитектуры: итальянский, готический и романский.

АКТ I.

Рынок в Падуе, в полдень; в глубине — большой собор Падуи архитектура — романского стиля, построен из черного и белого мрамора; мраморные ступени ведут к дверям собора; у подножия лестницы два громадных каменных льва; дома по обеим сторонам сцены окружены каменными аркадами и с цветными жалюзиами у окон; на правой стороне сцены — общественный фонтан со статуей, из зеленой бронзы, тритона, трубящего в раковину; вокруг фонтана — каменная скамья; звонит колокол собора, и горожане мужчины, женщины и дети, проходят в собор.

(Входят ГВИДО ФЕРРАНТИ и АСКАНИО КРИСТОФАНО).

АСКАНИО. Ну, жизнью клянусь, Гвидо, дальше я не пойду; если я ступлю еще шаг, то духу во мне не останется для проклятий; мы летим, словно дикие гуси!

(Бросается на скамью у фонтана).

Гвидо. Это, должно-быть, здесь. (Направляется к одному из прохожих и снимает шапочку) Простите, синьор, ведь это рыночная площадь, а это — церковь Санта-Кроче? (Прохожий кивает головой утвердительно). Благодарю вас, синьор.

АСКАНИО. Ну?

ГВИДО. Так! Это здесь.

АСКАНИО. Я бы предпочел, чтобы это было где-нибудь в другом месте, так как здесь я не вижу таверны.

ГВИДО (вынимая из кармана письмо и читая его). «Час — полдень; город — Падуя; место — рынок; а день — день святого Филиппо».

АСКАНИО. А что до человека, как мы его узнаем?

ГВИДО (все читая) «На мне будет лиловый плащ с вышитым на плече серебряным соколом». Красивое одеяние, Асканио?

АСКАНИО. Мне милее мой кожаный камзол. И ты думаешь, он расскажет тебе о твоём отце?

ГВИДО. Конечно, да! Ты припомни, тому теперь ровно месяц, когда был я в нашем винограднике, как раз в том углу, что подходит к улице и куда обыкновенно заходят козы, — проехал мимо меня какой-то человек, спросил, меня ли зовут Гвидо, и отдал мне это письмо, подписанное: «Друг вашего отца», приглашающее меня быть здесь сегодня, если я хочу узнать тайну моего рождения, и указывающее мне, как признать написавшего. Я всегда думал, что старый Педро — мой дядя, но он мне сказал, что это неверно, но что ребенком меня отдал

ему на попечение какой-то неизвестный, которого он более не видал никогда.

АСКАНИО. Так что ты не знаешь, кто твой отец?

ГВИДО. Нет.

АСКАНИО. У тебя нет даже никакого воспоминания о нем?

ГВИДО. Никакого, Асканио, никакого.

АСКАНИО (смеясь). Стало-быть, не мог он тебе давать затрещин так часто, как мой отец мне.

ГВИДО (улыбаясь). Я уверен, что ты их никогда не заслуживал.

АСКАНИО. Никогда; это-то и было в них хуже всего. Ни разу не мог я найти в себе сознание вины... А какой час назначил тот?

ГВИДО. Полдень.

(Часы на соборе бьют).

АСКАНИО. Теперь как раз полдень, а твой человек не пришел. Я в него не верю, Гвидо. Должно быть, просто какая-нибудь девица загляделась на тебя; и, раз я проводил тебя из Перуджии в Падую, ты обязан, клянусь в этом, проводить меня в ближайшую таверну. (Встает) Призываю во свидетели великие божества еды, я так хочу есть, Гвидо, как вдове хочется мужа, так устал, как молодая девушка от добрых советов; и весь высох, словно монашеская проповедь. Идем, Гвидо, что тебе стоять здесь, глядя в пустоту, словно помешанному, который старается заглянуть в свою собственную душу; твой человек не придет.

ГВИДО. Хорошо; кажется, ты прав. А!

(В тот самый миг, когда он встает со скамьи вместе с Асканио — входит граф Моранцоне в лиловом плаще, с серебряным соколом, вышитым на плече: Моранцоне проходит через всю сцену, направляясь к собору, и в ту минуту, когда он готов войти в него, Гвидо вбегает по ступеням и прикасается к нему).

МОРАНЦОНЕ. Ты вовремя пришел, Ферранти Гвидо.

ГВИДО. Как! Так отец мой жив?

МОРАНЦОНЕ. Да, жив в тебе.

Ты — он своим лицом, своей походкой,

Осанкой, видом, внешностью своей;

Ты — верно, он и духом благородным.

ГВИДО. О, расскажите об отце; я этой

Минуты ждал всю жизнь.

МОРАНЦОНЕ. Нам должно быть

Одним.

ГВИДО. Но это — лучший друг мой: он

Пришел со мною по любви ко мне;
Мы, как два брата, делим с ним все тайны.
МОРАНЦОНЕ. Вы этой тайны не должны делить;
Пусть он уйдет.

ГВИДО (к Асканию). Друг, через час вернись.
Не знает он, что зеркала любви
Такой, как наша, омрачить не может
Ничто. Пока прощай.

АСКАНИО. Не говори с ним,
Есть что-то страшное в его глазах.

ГВИДО (смеясь). Нет, я уверен: он пришел ска-
зывать мне,

Что я Италии великий принц,
Что нас обоих дни веселья ждуг
Надолго! До свиданья, друг.

(Асканию уходит).

Теперь

Вы про отца расскажете мне все?

(Садится на каменную скамью).

Он был высок? в седле сидел он стройно?

Он черен был? иль волосы его

Как красно-золотое пламя были?

Имел он голос тихий? Иногда

У первых храбрецов бывает голос

Исполнен тихой музыки; иль, может,

Он, как труба, гремел, внушая ужас

Врагам? Он выезжал один? иль вместе

С толпою слуг, в сопровожденьи свиты?

Порой я чувствую, что в этих жилах

Кровь королей стучит! Он был король?

МОРАНЦОНЕ. Он больше был король, чем все другие.

ГВИДО (гордо). Итак, отца вы видели последний.

Что ж, над людьми высоко он стоял?

МОРАНЦОНЕ. Да, над людьми высоко он стоял,
(подходит к Гвидо и кладет свою руку ему на плечо)

На красном эшафоте, где палач

Ждал с топором его.

ГВИДО (вскакивая). Кто ты, ужасный,

Как некий ворон, иль как филин ночи,

Восставший из могилы с страшной вестью?

МОРАНЦОНЕ. Меня зовут здесь графом Моранцоне,

Владельцем замка на пустой скале;

Есть у меня миль пять земли бесплодной

И нищих шесть слугителей. Но был я

Из самых знатных в Парме; больше: были
Друзьями мы с твоим отцом.

ГВИДО (схватывая его за руку). Скажите
Все!

МОРАНЦОНЕ. Герцога великого Лоренцо
Ты — сын. Он властелином в Парме был
И графом всей Ломбардии прекрасной
До самых стен Флоренции, но та
Ему платила дань.

ГВИДО. А как он умер?

МОРАНЦОНЕ. Узнаешь все. То было в дни войны.
(О, благородный лев! не мог снести
В Италии он никакой неправды!)
Цвет лучший рыцарства повел он против
Клятвопреступника из Римини,
Джованни Малатесты, — будь он проклят! —
Но был коварно завлечен в засаду
И, как злодей, как человек безродный,
Казнен на эшафоте всенародно.

ГВИДО (хватаясь за кинжал).

И Малатеста жив?

МОРАНЦОНЕ. Он умер.

ГВИДО. Умер?

О, если б ты, немедлящая смерть,
Могла еще немного подождать,
Твой долг свершил бы я!

МОРАНЦОНЕ. Еще не поздно!

Тот, кем отец твой продан, жив еще.

ГВИДО. Отец был продан?

МОРАНЦОНЕ. Оценен, как вещь,

И за назначенную цену продан.

На вольном рынке был уступлен он
Тем, кто его считался лучшим другом,

Кому он верил и кого любил,

С кем братства узами был долго связан.

ГВИДО. Предатель жив!

МОРАНЦОНЕ. Его ты сам увидишь.

ГВИДО. Так жив Иуда! Хорошо ж! всю землю

Я сделаю «землею крови», ибо

На ней висеть он должен!

МОРАНЦОНЕ. Ты Иудой

Его зовешь? Да, как Иуда, он —

Предатель, — но иной он ждал награды:

Не тридцать сребренников, — много больше!

ГВИДО. За кровь отца что ж получил он?

МОРАНЦОНЕ.

Много...

Поместья, виноградники и замки,
И княжества, и земли...

ГВИДО. От которых

Он сохранит шесть локтей — для могилы!
Где ж гнусный шут? Где негодяй проклятый?
Скажите, где он? Пусть он будет в панцырь
Одет, и в сталь до самых пят закован,
И охраняем тысячью людей, —
Я поражу его сквозь копья, буду
Смотреть, как потечет вдоль по кинжалу
Кровь черная его. Скажите, где он,
И я его убью.

МОРАНЦОНЕ (холодно). И это месть?

Безумец! Смерть не суждена ль нам всем?

И тем она желанней, чем внезапней.

(Подступает близко к Гвидо).

Был предан твой отец, — и в этом все.

Предателя предай же в свой черед.

Тебя введу я в дом его, ты должен

Сидеть с ним за столом, есть тот же хлеб...

ГВИДО. О, горький хлеб!

МОРАНЦОНЕ. Ты слишком прихотлив:

Мечь подсластит его! Ты должен ночи

С ним пировать, пить из единой чаши,

Его стать другом, чтоб тебя любил он

И тайны все свои открыл тебе!

Захочет он веселья, — будь веселым;

Его порой охватит ли печаль, —

Будь грустен сам. Когда ж приспееет время..

(Гвидо хватается за кинжал).

Ах, я тебе не верю! Юн твой дух

И необуздан; слишком буйный гнев

Не в силах ждать, во имя высшей мести,

Но в страсти гибнет...

ГВИДО. Ты меня не знаешь.

Скажи, кто он, — и я готов во всем

Повиноваться.

МОРАНЦОНЕ. Хорошо. Когда

Приспееет время и удобный случай,

И будет враг в сетях, тебе с послом

Подам я знак.

ГВИДО. И как его убью я?

МОРАНЦОНЕ. В ту ночь к нему прокрасться должно
в спальню;

И если ты его застанешь спящим,
Сначала разбудить; потом за горло
Рукой схватить, — да, так, — и рассказать,
Кто ты, чей сын, за что ты мстишь ему.
Дозволь ему просить пощады, пусть
За жизнь свою он предлагает цену;
Когда ж он обещает все богатства, —
Скажи, что золота тебе не надо,
И что пощады нет! И соверши все.
Но поклянись, что не убьешь ты раньше,
Чем прикажу я! Или я уйду,
Ты будешь жить в неведеньи, как прежде,
И твой отец не будет отомщен!

ГВИДО. Отца мечом клянусь!

МОРАНЦОНЕ. Палач на рынке

Его пред всем народом преломил.

ГВИДО. Отца могилой...

МОРАНЦОНЕ. Где его могила?

Отец твой не лежит в земле: развеян
Был прах его по ветру, и разнесся
По улицам он пылью, беднякам
Слепя глаза... А голову его,
Надев на острее ворот тюремных,
Оставили на поруганье черни,
И та его дразнила языком...

ГВИДО. Так чем же клясться? Памятью отца,

Священной мне, его позорной казнью,
Предательством коварным друга, всем,
Что мне еще осталось, — я клянусь:
Не подыму я на него руки
До приказанья; после — Бог да примет
Проклятый дух: как пес, убит он будет.
Но знак? Какой же знак?

МОРАНЦОНЕ. Вот — твоего

Отца кинжал.

ГВИДО. О, дайте рассмотреть мне!

Припоминаю, дядя мой названный,
Старик, которому я отдан был,
Мне говорил, что был я в плащ завернут,
И были вышиты два леопарда
На нем по золоту — такие ж точно!
Но, вылиты из стали, мне милее

Вот эти: с ними к цели путь прямее!..

Отец вам ничего не поручил

Мне передать?

МОРАНЦОНЕ. Отец не знал тебя.

Когда он предан был коварным другом,

Из всех приближенных один я спасся

И в Парму, герцогине, весть принес.

ГВИДО. О, мать моя! Скажите мне об ней!

МОРАНЦОНЕ. Услышав роковую весть, она

Без чувств упала и тебя — до срока —

На свет произвела, и вслед затем

Ее душа взнеслась на небеса.

Чтоб встретить мужа у преддверья рая.

ГВИДО. Мать умерла, отец казнен и продан...

Мне кажется: я осажден врагами,

И за гонцом гонец приносят вести,

Одна другой ужасней! Дай вздохнуть мне,

Я изнемог.

МОРАНЦОНЕ. Когда скончалась мать,

Из страха пред врагами, всем сказал я,

Что умер ты, и тайно передал

Тебя старинному слуге, который

Жил близ Перуджии. Что было дальше,

Ты знаешь.

ГВИДО. Видели отца вы после?

МОРАНЦОНЕ. Однажды. Я в одежде бедняка

Пробрался в Римини.

ГВИДО (беря его за руку). Какая смелость!

МОРАНЦОНЕ. Все продается в Римини, и я

Купил тюремщиков. Когда отец твой

Узнал, что у него родился сын,

Его лицо под шлемом просияло,

Как светит в море зарево огня.

Взяв за руки меня, меня просил он,

Чтоб я тебя взрастил, его достойным,

И мстителя в тебе я воспитал.

ГВИДО. Вы долг исполнили. Благодарю вас

От имени отца. Но как же имя

Предателя?

МОРАНЦОНЕ. Как на отца похож ты!

Я узнаю в тебе его движенья.

ГВИДО. Как имя?

МОРАНЦОНЕ. Ты его сейчас узнаешь.

Вот герцог наш со свитою придворных

Сюда идет.

ГВИДО. Что из того! Как имя?

МОРАНЦОНЕ. Не кажутся ль они тебе собранным
Людей достойных, честных, благородных?

ГВИДО. Граф! Имя! Имя!

(Входят герцог ПАДУАНСКИЙ с графом БАРДИ, МАФФИО
ПЕТРУЧЧИ и другими ПРИДВОРНЫМИ).

МОРАНЦОНЕ (быстро). Тот, пред кем колени
Я преклоню, и есть убийца, — помни.

ГВИДО (хватается за кинжал). Как, герцог?

МОРАНЦОНЕ. Руку прочь! Ужель так скоро
Ты все забыл? (Преклоняется перед герцогом).

Наш благородный герцог!

ГЕРЦОГ. Добро пожаловать, граф Моранцоне.

Давно мы в Падуе вас не видали.

Близь замка вашего еще вчера мы

Охотились, но называть ли замком

Холодный дом, где вы живете, четки

Перебирая, как отшельник дряхлый.

(Встречает глазами Гвидо и отступает назад).

Кто это?

МОРАНЦОНЕ. Мой племянник, ваша светлость.

Он в тех годах, когда пора на службу,

И быть желал бы при дворе у вас.

ГЕРЦОГ (молча глядя на Гвидо). Его зовут?

МОРАНЦОНЕ. Ферранти Гвидо.

ГЕРЦОГ. Родом?

МОРАНЦОНЕ. Он в Мантуе родился, ваша светлость.

ГЕРЦОГ (подходя к Гвидо). Твой возраст напоминает
мне кого-то,

Кого я знал... Но умер тот бездетным.

Ты честен ли? И если да, то честность

Не расточай, но для себя храни.

Здесь в Падуе все думают, что честность —

Лишь хвастовство; она не в моде. Видишь

Синьоров этих?

БАРДИ (в сторону). В нас стрелой он метит.

ГЕРЦОГ. Любой из них свою имеет цену,

Все продаются, но, сказать по правде,

Иные слишком дорожатся.

БАРДИ (в сторону). Мило!

ГЕРЦОГ. Итак: нам честности не надо. Также

Не очень любим мы оригинальность,

Хотя в наш глупый век едва ль не тот

Оригинальной всех, кто смеет мыслить
И возбуждает тем насмешки черни.
А что до черни, презирай ее,
Как я. Толпы восторг минутный мне
Смешон, и одного лишь оскорбленья
Я не испытывал: любви народа.

МАФФИО (в сторону). А ненависти вдоволь испытал ты.

ГЕРЦОГ. Благоразумен будь; не торопись
С поступками: подумав дважды, действуй;
Решенье первое всегда прекрасно.

ГВИДО (в сторону). Из уст его не жаба ль брызжет
ядом!

ГЕРЦОГ. И постарайся завести врагов:

Иначе свет тебя сочтет ничтожным.
Враги доказывают нашу силу,
Но в маске дружбы каждого встречай,
Пока его в свои не схватишь когти:
Тогда души его.

ГВИДО (в сторону). Философ мудрый!

Не для себя ли роешь ты могилу?

МОРАНЦОНЕ (к Гвидо). Запомнил?

ГВИДО. Будь спокоен.

ГЕРЦОГ. И не будь

Разборчив слишком. Чистая рука,
Когда пуста, имеет вид печальный.
И если хочешь львиной доли в жизни,
Оденься в лисью шкуру, — подойдет
Она тебе, как всякому подходит.

ГВИДО. Я все запомню, ваша светлость.

ГЕРЦОГ. Дельно.

Я не хочу быть окружен глупцами,
Что жизни золото долями весят,
Дрожат, колеблются, и все же терпят
Лишь неудачи... Неудача — вот
Единый грех, я в коем неповинен!
Вокруг меня мужчины быть должны.
А что до совести, то это — слово,
Что трусость написала на щите,
Бежав из битвы. Понял?

ГВИДО. Ваша светлость,

Я понял все и заповедям вашим
Отныне буду следовать во всем.

МАФФИО. Не знал я, ваша светлость, что так сильны

Вы в деле проповеди. Ах, когда бы
Взглянул на ваши лавры кардинал!

ГЕРЦОГ. За мной пойдут мужчины, а другие —
За кардиналом. Что мне до него!

Он ревностный служитель церкви,
Но человек не слишком прозорливый.

(К Гвидо) Итак, отныне на моей ты службе.

(Протягивает Гвидо руку для поцелуя. Гвидо отступает в ужасе, но по знаку графа Моранцоне опускается на колени и целует ее).

Ты должен быть одет, как подобает

И должности твоей и нашей чести.

ГВИДО. Благодарю сердечно вашу светлость.

ГЕРЦОГ. Тебя зовут, не правда ль, Гвидо?

ГВИДО.

Гвидо

Ферранти, государь.

ГЕРЦОГ. И родом ты

Из Мантуи? За женами, синьоры,

Смотрите в оба: он для них опасен!

Смеетесь вы, граф Барди? Впрочем, тот

Супруг спокоен, чья жена

Нехороша.

МАФФИО. Простите, ваша светлость,

Но жены в Падуе вне подозрений..

ГЕРЦОГ. Как? Все неинтересны?.. Но пойдемте.

Сегодня герцогиню кардинал

Совсем замучил. Надо бы ему

И бороду и проповедь убавить.

Угодно, граф, вам с нами слушать текст

Святого Иеронима?

МОРАНЦОНЕ (кланяясь). Государь,

Простите...

ГЕРЦОГ (прерывая). Что за извиненья, если

Идти к обедне лень. Пора, синьоры.

(Уходит со свитою в собор).

ГВИДО (после молчания). Он продал моего отца; я — руку

Его поцеловал.

МОРАНЦОНЕ. Целуй почаще.

ГВИДО. Я должен это делать?

МОРАНЦОНЕ. Ты поклялся.

ГВИДО. От этой клятвы я окаменею.

МОРАНЦОНЕ. Прощай, дитя! И раньше срока мы

Не встретимся.

ГВИДО. Вернитесь поскорее.

МОРАНЦОНЕ. Вернись, когда настанет час. Будь
твердым.

ГВИДО. Доверьтесь мне.

МОРАНЦОНЕ. Твой друг идет сюда.

Из сердца и из Падуи его

Ты должен удалить.

ГВИДО. Отсюда — да.

Из сердца — нет.

МОРАНЦОНЕ. Нет, нет! Из сердца также.

Я не уйду, пока все не исполнишь.

ГВИДО. Нельзя иметь мне друга?

МОРАНЦОНЕ. Месть — твой друг,

Иных не ведай.

ГВИДО. Пусть! Да будет так.

(Входит АСКАНИО КРИСТОФАНО)

АСКАНИО. Ну, Гвидо, я, наверное, во всем превзошел тебя я выпил фьяску доброго вина, съел пирог и расцеловал служанку в остерии. Что ты глядишь так уныло, словно школьник, которому не на что купить яблок, или как избиратель, которому некому продать свой голос? Что же нового, Гвидо, что нового?

ГВИДО. Асканио, нам должно распротиться.

АСКАНИО. Конечно, это — ново, но неправда.

ГВИДО. Нет, слишком правда! Ты уйдешь отсюда,

И никогда меня ты не увидишь.

АСКАНИО. Нет! Значит, ты меня не знаешь, Гвидо!

Да, я простого земледельца сын,

Обычаев придворных я не знаю.

Но если оказалось, что ты знатен,

Ужель я не могу служить тебе?

Клянусь, усердный буду я, чем всякий

Слуга наемный..

ГВИДО (хватая его за руку).

Ах, Асканио!

(Взглядывает на Моранцоне, который смотрит на него, и выпускает руку Асканио).

Нет! Этого не может быть.

АСКАНИО. Не может?

Я думал, что веков прошедших дружба

Еще жива, что в наш ничтожный век

Своей любовью воскресили мы

Преданья Рима древнего... О! этой

Любовью, ясной, словно море летом,

Молю я: что б тебя ни ждало, — все

Позволь с тобой мне разделить, как другу!

ГВИДО. Все разделить!

АСКАНИО. Да, да!

ГВИДО. Нет, нет!

АСКАНИО. Ах, верно.

Наследство получил ты, — пышный замок,
Богатство?

ГВИДО (горько). Да, я получил наследство!

Кровавый дар! Ужасное наследье!

Беречь его я должен, как скупец,

Для самого себя хранить. Итак,

Расстанемся, прошу тебя.

АСКАНИО. Ужели

Мы больше никогда рука с рукой,

Не сядем рядом, как сидели часто,

Чтоб углубиться в рыцарскую книгу?

Иль, как бывало, убежав из школы,

Ужель мы вместе больше никогда

Бродить не будем по лесам осенним,

С охотником, следя как ястреб зоркий

Рвет шелковые путы, на опушке

Завидя зайца?

ГВИДО. Больше никогда.

АСКАНИО. Так должен я уйти без слова дружбы?

ГВИДО. Так ты уйдешь, — с тобой моя любовь...

АСКАНИО. Не рыцарски, не благородно это!

ГВИДО. Не рыцарски, неблагородно? Пусть!

Уже бесплодны все слова. Прощай.

АСКАНИО. Ты ничего мне не поручишь, Гвидо?

ГВИДО. Нет! Прошлое — как детский сон за мною.

Я нынче начинаю жизнь. Прощай.

АСКАНИО. Прощай. (Уходит медленно).

ГВИДО (к Моранцоне). Довольны вы? Я все исполнил.

Любимейшего друга я сейчас

Прогнал, как недостойного слугу.

Я это сделал! Вы теперь довольны?

МОРАНЦОНЕ. Да. Я доволен и теперь уйду.

Не забудь про знак: кинжал отца.

Сверши свой долг, когда его пришлю я.

ГВИДО. Доверьтесь мне: исполню все.

(МОРАНЦОНЕ уходит).

О, небо!

Когда в душе моей есть капля чувства,

Есть сострадание, есть нежность, — их
Убей, сожги и обрати в ничто!
А если ты не хочешь, сам их вырву
Из сердца я отточенным ножом,
Во сне я жалость задушу в себе,
Чтоб не шептала мне она! О, месть,
Ты мне одна осталась. Будь мне другом
И ложе разделяй со мною. Рядом
Сиди со мной, сопутствуй на охоте,
Когда устану, песенки мне пой,
Когда я буду счастлив, веселись,
Когда усну, нашептывай мне в уши
Рассказ ужасный об отце убийстве...
Убийстве, я сказал?

(Обнажает кинжал).

Внемли, Бог мести,
Клятвопреступников разящий громом!
Пусть эту клятву пламенем на небе
Запишут ангелы! Клянусь: отныне
Пока не отомщу отца убийство
Я кровью, — отрекаюсь я от дружбы,
От благородных радостей любви,
От всякого сочувствия и союза!
И даже больше: отрекаюсь я
От женщин, от любви к ним, от приманок
Их красоты...

(Торжественные звуки органа несутся из собора, и под серебряным балдахинном, что несут четыре пажа, одетые в алое, сходит по мраморным ступеням герцогиня ПАДУАНСКАЯ: она проходит перед Гвидо, на мгновение встречается с ним глазами и, уже почти покидая сцену, обернувшись, взглядывает на него, кинжал падает из рук Гвидо).

ГВИДО. Кто это?
Один из ГОРОЖАН. Герцогиня.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА

АКТ II.

Зала в герцогском дворце, убранная коврами, на которых вышиты сцены переодеваний Венеры; широкая дверь в середине ведет на галерею из красного мрамора, через которую открывается вид на Падую; большой балдахин (справа) с тремя тронами, из которых один несколько ниже других; потолок из позолоченных балок; обстановка того времени, — стулья, обтянутые кожей с позолотой, поставцы с золотой и серебряной посудой, ларцы, расписанные мифологическими сценами. Несколько придворных стоят в галерее и смотрят из нее вниз на улицу; с улицы доносится гул толпы и крики: "Смерть герцогу!"; несколько времени спустя входит герцог, совершенно спокойный; он опирается на руку ГВИДО ФЕРРАНТИ; вместе с ними входит КАРДИНАЛ; толпа продолжает кричать.

ГЕРЦОГ. Нет, кардинал, я от нее устал!

Она не то что некрасива, хуже —

Она добра!

МАФФИО (возбужденно). Там, ваша светлость, больше

Двух тысяч человек, и с каждым мигом

Кричат сильнее.

ГЕРЦОГ. Что ж, пусть их тратят силы.

Толпа кричащая — ничто, синьоры,

И если кто опасен: молчаливый. (Рев народа).

Вот, кардинал, как я любим народом.

(Снова рев).

Иди, Петруччи, прикажи внизу

Начальнику стрелков очистить площадь.

Вы приказанье слышали, синьор?

Что сказано, исполнить. (Петруччи уходит).

КАРДИНАЛ. Вашу милость

Прошу я выслушать мольбы народа...

ГЕРЦОГ (садится на свой трон).

Да, груши этим летом что-то мельче,

Чем были прошлым. Кардинал, простите,

Вы, кажется, о грушах говорили.

(Слышны с улицы крики радости).

Что там?

ГВИДО (бросается к окну). На площадь герцогиня вышла,

Между народом и стрелками стала,

Им не дает стрелять.

ГЕРЦОГ. Чорт побери!

ГВИДО (все еще у окна).

Теперь идет сюда с толпою граждан.

ГЕРЦОГ (вскакивая).

Клянусь святым Джованни, слишком смело

Она себя ведет.

БАРДИ. Вот герцогиня.

ГЕРЦОГ. Закройте дверь; сегодня день холодный.

(Дверь, ведущую в галерею, закрывают. Входит ГЕРЦОГИНЯ С кучкой бедно одетых горожан).

ГЕРЦОГИНЯ (бросаясь на колени).

Нас выслушать молю я, ваша светлость!

ГЕРЦОГ. Чего ж они хотят?

ГЕРЦОГИНЯ. О, государь!

Они того хотят, о чем ни разу

Ни вам, ни мне и никому из этих

Синьоров думать не случилось, хлеба!

Они готовят из гнилой мякины

Свой хлеб!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Да, верно! Из одной мякины!

ГЕРЦОГ. Хороший корм, я лошадям своим

Даю его.

ГЕРЦОГИНЯ (сдерживаясь).

По их словам, в цистернах —

Водопровод вы знаете, разрушен —

Вода цветет и затянулась тиной.

ГЕРЦОГ. Так надо пить вино: вода вредна!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Ах, ваша светлость, пошщины
да сборы

У городских ворот берут такие,

Что покупать вино нам не под силу.

ГЕРЦОГ. Благословляйте пошщины, — они

Вас учат воздержанью.

ГЕРЦОГИНЯ. Государь,

Подумайте, мы в роскоши живем,

А в темных переулках нищета

Голодная блуждает и ножом

Малюткам перерезывает молча

Их горло теплое..

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Да, это правда!

От голода вчерашней ночью помер

Сынишка мой, — был по шестому году.

И схоронить-то но на что его.

ГЕРЦОГ. Вы бедны? Славьте же судьбу! Ведь бедность

Одна из добродетелей. (К кардиналу)

Не так ли?

Вы, монсиньор берете десятину,

Имеете доходы, замки, земли
За то, что проповедуете бедность.

ГЕРЦОГИНЯ. О, государь, но будьте милосерды!

Пока сидим мы здесь в чертогах этих,
Где портики от зноя защищают,
А от морозов — стены, двери, крыша, —
Как много граждан Падуи живут
В лачугах со щелями, где всегда
Холодный дождь, и снег, и ветер — дома!
Иные же ночуют под мостами,
Осенней ночью в сырости дрожат,
Потом приходит лихорадка, и...

ГЕРЦОГ (заканчивает). Возносятся на лоно Авраама.

Они меня должны благодарить;
Из мира бедствий шлю я их на небо! (К кардиналу)
Не сказано ль в Писании, что должно
Нам бремя наше с радостью нести?
Мне ль изменять уставленное Богом
И вмешиваться в волю Провиденья?
Одни пресыщены, те голодают.

Так создан мир, и создан он не мною.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. В нем милости не видно.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Помолчи!

Вот кардинал за нас поговорит.

КАРДИНАЛ. Терпеть нужду — христианина долг,

Но также долг его быть милосердным!
Есть в нашем городе немало бедствий,
Их реформировать могли бы вы.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Что значит реформировать?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Должно быть,

Оставить все, как есть оно теперь.

ГЕРЦОГ. Да? Реформировать? Ах, кардинал,

В Германии нашелся некто Лютер
И реформировать задумал церковь, —
Не вы ль его еретиком назвали
И отлученью предали?

КАРДИНАЛ (подымаясь с своего трона). Хотел

Он паству с пастбища увлечь, а мы
Вас просим накормить овец духовных.

ГЕРЦОГ. Я тех кормлю, с кого стригу я шерсть.

Что до мятежников...

(Герцогиня делает умоляющий жест).

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Он стал добрее

И даст нам что-нибудь.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Ах, так ли!

ГЕРЦОГ. Эти

Оборвыши сюда явились с глоткой,

Наполненной изменой...

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Ваша светлость!

Заткните нам ее краюхой хлеба!

Мы замолчим.

ГЕРЦОГ. Я вас молчать заставлю, —

Голодных или сытых, все равно!

Таков наш век, синьоры, что мужик

Перед тобой не снимет шапки: надо

Ее сбивать с башки! На перекрестках

Любой ремесленник господ поносит! (К горожанам)

В виду молений нашей герцогини,

Не смея отказать прекрасной даме,

Что оскорбило б вежливость и нашу

Любовь, и снисходя на ваши просьбы...

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Он сбавит пошрины, честное
слово!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Иль выдаст каждому из нас
по хлебу.

ГЕРЦОГ. Я прикажу, чтоб в это воскресенье

На проповеди кардинал сказал

Вам о высоком долге послушанья.

(Ропот среди горожан).

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Ну, проповедью брюха не на-
полнишь.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Она не больше, как подливка,
что же

Мы с нею будемъ есть?

ГЕРЦОГИНЯ. Друзья мои,

Вы видите: пред герцогом и я

Бессильна. Но на задний двор пройдите.

Я прикажу, чтоб казначей мой выдал

Из личных средств моих вам сто дукатов.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Бог да хранит нам герцогиню!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Верно!

Бог да хранит ее!

ГЕРЦОГИНЯ. И раз в неделю

Я буду раздавать беднейшим хлеб.

(Изявляя свою радость, горожане идут к выходу).

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН (уходя). Бог да хранит нам
герцогиню.

- ГЕРЦОГ (подзывает его). Стой!
Сюда, приятель. Как тебя зовут?
ГОРОЖАНИН. Я, ваша светлость, Доменико.
ГЕРЦОГ. Имя
Хорошее, А в честь кого дано?
ГОРОЖАНИН (почесывая голову). Да я родился в день
святого Джорджо.
ГЕРЦОГ. Вполне понятно! Вот тебе дукат.
Что ж не кричишь: да здравствует наш герцог!
ГОРОЖАНИН (слабо). Да здравствует наш герцог!
ГЕРЦОГ. Громче! Громче!
ГОРОЖАНИН (немного громче). Да здравствует наш
герцог!
ГЕРЦОГ. Чувства мало.
Кричи сильнее, приятель. Вот еще
Тебе дукат.
ГОРОЖАНИН (восторженно). Да здравствует наш
герцог!
ГЕРЦОГ (насмешливо). Как трогает меня его любовь,
Синьоры! (Горожанину, гневно).
Вон! (Горожанин уходит, кланяясь).
Таким путем, синьоры,
Любовь народа приобрести легко.
О, мы — ничто, когда народу чужды!
(К герцогине). А вы, синьора, сеете мятеж
Меж граждан!
ГЕРЦОГИНЯ. Государь, есть право бедных:
На жалость и на милость нашу право.
ГЕРЦОГ. Вы спорите со мной? Вот какова
Та женщина, из-за которой лучших
Три города Италии я отдал:
Орвьетто, Геную и Пизу.
ГЕРЦОГИНЯ. Вы
Не отдали, а только обещали,
И предпочли опять нарушить слово.
ГЕРЦОГ. Вы ошибаетесь, синьора, были
На то причины важные.
ГЕРЦОГИНЯ. Какие
Причины могут быть, чтоб обещанье,
Пред целым миром данное, — нарушить?
ГЕРЦОГ. Есть много кабанов в лесу под Пизой;
Когда я этот город обещал
Достойнейшему вашему отцу,
Я позабыл, что там охота. Также

Я слышал, — и не сомневаюсь в этом, —
Что в гавани под Генуей так много
Редчайших рыб, как более нигде.

(Обращаясь к одному из придворных).

Вы блюд изысканных знаток, синьор,
И это объясните герцогине.

ГЕРЦОГИНЯ. Так, а Орвьетто?

ГЕРЦОГ (зевая). Я уже не помню.

Должно быть тоже что-то помешало
Отдать его согласно договору,
Быть может, просто не хотелось мне.

(Подходит к герцогине).

Синьора, бросьте взгляд: вы здесь одни!
До старой Франции немало миль,
Да и отец ваш при своем дворе
Не больше сотни рыцарей содержит,
На что же вы надеетесь? Кто здесь
Из этих всех синьоров предан вам?

ГЕРЦОГИНЯ. Никто.

(Гвидо вдрагивает, но овладевает собой).

ГЕРЦОГ. И так останется, пока

Я герцог в Падуе. Синьора, вы
Принадлежите мне. Что я хочу,
Должны вы исполнять. Угодно мне,
Чтоб вы сидели дома, — и дворец
Для вас торьюмою станет. Захочу я,
Чтоб вы гуляли, и с утра до ночи
Придется вам гулять.

ГЕРЦОГИНЯ. Но где же право?

ГЕРЦОГ. Покойная жена вопрос такой же

Мне предложила. Памятник ее
Стоит в капелле фра Бартоломео,
Он весь из мрамора; весьма красив!
Пора идти, синьоры! Руку, Гвидо!
Пойдемте в полдень соколов спускать.
Подумайте, синьора, вы — одни.

(Уходит герцог, опираясь на Гвидо, и вся свита).

ГЕРЦОГИНЯ (глядя ему вслед).

Да, герцог прав, я здесь совсем одна,
Заброшена, унижена, забыта!

Бывал ли кто так одинок, как я?

Мужчина, сватаясь, зовет детьми нас,
Нам говорит, что мы не в силах сами
Устроить жизнь, — и разбивает нашу.

Для них мы — вещь, их общие рабыни,
Нас меньше ценят, чем собак послушных,
Ласкают реже, чьм любимых птиц!

Я, кажется, сказала: сватовство...

Не сватают, — нас просто покупают,

И наше тело — рыночный товар!

Да, это общая судьба всех женщин.

Все выбирают неудачно мужа

И губят жизнь по прихотям его

Что это доля всех, — не легче каждой!

Я, кажется, ни разу не слыхала,

Чтоб женщина смеялась от души?

Нет, слышала: на площади, раз, ночью..

Бедняжка шла, раскрасив ярко губы,

Веселья маску на лице храня...

О, так смеяться я бы не желала,

Нет, лучше умереть.

(Входит Гвидо, который остается в глубине незамеченным; герцогиня преклоняется перед изображением Мадонны).

О, Матерь Божья!

Склонила ты свой бледный, кроткий лик

Меж ликов ангельских, поющих гимны!

Ответь же мне: ужель мне нет надежды?

ГВИДО. Я более переносить не в силах.

Ее люблю! С ней должен говорить я!

(К герцогине).

Помянут ли и я в молитвах ваших,

Синьора?

ГЕРЦОГИНЯ (вставая с колен).

Нет, синьор. Одним несчастным

Мои молитвы могут быть нужны.

ГВИДО. Тогда и мне!

ГЕРЦОГИНЯ. Но разве вы несчастны?

Иль почестей от герцога вам мало?

ГВИДО. Мне от того не нужно, ваша светлость,

Наград, кого в душе я ненавижу.

Хочу тебя молить я на коленях:

Позволь тебе до гроба мне служить

ГЕРЦОГИНЯ. Увы! я так ничтожна, что тебе

В награду ничего дать не могу я.

ГВИДО. (хватая ее за руку).

Ты можешь дать любовь мне!

(Герцогиня отступает, а Гвидо падет к ее ногам).

О, святая!

Прости мне, если я был слишком дерзок!
Ты красотой своей зажгла мне кровь.
Дай мне прильнуть устами богомольно
К твоей руке! От страсти я дрожу!
На все готов я, чтоб добиться только
Твоей любви.

(Вскакивает).

Прикажешь ты мне вырвать
Из львиной пасти гибельную славу, —
И я пойду в пустыню на борьбу
С немейским львом! Брось в середину битвы
Цветок, иль ленту, или что-нибудь,
К чему касалась ты, — я их достану,
Хотя б все рыцарство сражалось тут,
И принесу назад! И даже больше.
Мне прикажи на бледные утесы
Могучей Англии взобраться, — я
С ее надменного щита сорву
Те лилии твоей родной страны,
Что у нее похитил лев британский,
Морей владыка!

Слушай, Беатриче!

Не уходи отсюда! Без тебя
Часы идут свинцовыми ногами,
Когда ж твое очарованье вижу,
Со скоростью Меркурия летят
И золотят всю жизнь!

ГЕРЦОГИНЯ. Я не ждала,
Что буду я любима. Только правда ль,
Что любишь ты так сильно, как клянешься?
ГВИДО. Спроси: что чайка — сильно любит море?
Спроси: что роза — сильно любит дождь?
Спроси: что жаворонок, на рассвете
Летающий к небу — сильно любит день?
И все же все сравнения ничтожны, —
Они лишь тень моей любви, горящей
Таким огнем, что водам океанов
Ее не погасить! Но ты молчишь.
ГЕРЦОГИНЯ. Не знаю я, что вам могу сказать.
ГВИДО. Скажи и ты: люблю тебя.
ГЕРЦОГИНЯ. Так, сразу?
Совет хорош бы был, когда бы вас
Любила я. А если не люблю?
Тогда что мне сказать?

ГВИДО. Скажи все то же!

Скажи: люблю! — и на твоих устах
Ложь, застыдившись, тотчас станет правдой.

ГЕРЦОГИНЯ. А может-быть, не должно говорить.

Влюбленные счастливей до признанья.

ГВИДО. Молчание мне — смерть, а жить я должен!

Убей меня признаньем, не молчаньем.

Остаться мне, иль мне уйти, — скажи!

ГЕРЦОГИНЯ. Не знаю я, уйти вам иль остаться.

Оставшись, вы похитите мою

Любовь. Уйдя, с собою унесете

Ее же... Гвидо! если б звезды пели,

Они не рассказали бы всей силы

Моей любви!.. Люблю тебя, мой Гвидо!

ГВИДО (простирая к ней руки).

О, говори еще! А мне казалось,

Что только ночью соловьи поют.

Но если ты молчишь, позволь устами

Прильнуть к твоим устам, поющим нежно.

ГЕРЦОГИНЯ. Прильнув к устам, ты сердца не кос-
нешься.

ГВИДО. Ужели для меня оно закрыто?

ГЕРЦОГИНЯ. Увы, синьор, его нет у меня.

Едва тебя увидела я, ты

Его похитил! Против воли — вор,

В мою сокровищницу ты проник

И лучший перл с собой унес оттуда!

О, странный вор! не зная сам того,

Ты стал богаче, и меня оставил

Обкраденной и вместе с тем счастливой!

ГВИДО (порывисто обнимая ее).

Возлюбленная! милая! моя!

Не закрывай лица! Позволь открыть мне

Пурпуровые маленькие двери,

Где дремлет музыка! Позволь проникнуть

К кораллам уст твоих, и лучший дар

Я унесу с собой, чем все богатства,

Хранимые в горах Арменских грифом.

ГЕРЦОГИНЯ. Ты — господин мой! Все, чем я владею, —

Давно твое; а если нет чего,

Ты это все создашь мечтой и чудом

Ничтожество в богатство обратишь.

(Целует его).

ГВИДО. Как смел я, что гляжу так на тебя!

Фиалка прячется под свой листок,
Боясь смотреть на пламенное солнце,
Боясь его сиянья; мой же взор,
Мои дерзкий взор достиг такой отваги,
Что, как звезда недвижимая, глядит
В твои глаза, купаясь в их сиянии!
ГЕРЦОГИНЯ. О, если б на меня всегда смотрел ты!
Твои глаза — два зеркала глубоких.
В них возникая, узнаю себя,
И рада, что в тебе живет мой образ.

ГВИДО (вновь обнимая ее).

Летающий диск! остановись на небе!
И сделай этот час бессмертным!

(Краткое молчание).

ГЕРЦОГИНЯ.

Милый,

Садись вот здесь, у самых ног моих.
Вложу я пальцы в волосы твои
И буду видеть, как твое лицо
К моим губам влечется, как цветок.
Случалось ли тебе когда — входить
В пустынный зал, где пыль лежит и плесень,
Где много лет шагов не слышно было,
Засовы отодвинуть у окна
И отворить, навстречу солнцу, ставни?
Ты видел ли, как в окна входит солнце,
Как превращает каждую пылинку
В танцующую золотую точку?
Моя душа была тем залом, Гвидо,
Твоя любовь вошла в него, и вдруг
Все стало золотом. Не правда ль, Гвидо,
Любовь — смысл жизни.

ГВИДО. Да! жизнь без любви

Мертва, как необделанная глыба
В каменоломне, прежде чем ваятель
Прозрел в ней бога! Да! Жизнь без любви —
Безмолвна, как простой тростник, растущий
По берегам реки и чуждый песен.

ГЕРЦОГИНЯ. Но вот певец, по имени Любовь,
Тростник безмолвный делает свирелью
И песнями наполнит! Ах, любовь
Любую жизнь способна сделать песней.
Не правда ли?

ГВИДО. Для женщин это правда.
Мужчины же творят резцом и кистью,

Как сын красильщика в Вероне Павел.
Иль как в Венеции его соперник,
Великий Тициан, создавший деву
Стройнее лилий и белее лилий,
Всходящую по ступеням во храм,
Иль тот урбинец, чьи Мадонны святы
Затем, что матери они вполне,
Но женщина — вот истинный художник!
Одна она способна нашу жизнь,
Запятнанную думами о деньгах,
Преобразить любовью в красоту!

ГЕРЦОГИНЯ. Пусть жили бы мы оба в нищете!

Любя друг друга, были б мы богаты.

ГВИДО. Скажи «люблю» еще раз, Беатриче!

ГЕРЦОГИНЯ (касаясь пальцами его воротничка).

Как этот воротник к лицу тебе!

(Граф Моранцоне выглядывает из-за двери, ведущей в галерею).

ГВИДО. Скажи еще раз мне «люблю»!

ГЕРЦОГИНЯ. Я помню,

Что в Фонтелло, когда еще была

Я в милой Франции, носил такие

Воротнички король.

ГВИДО. Так ты не хочешь

Сказать: люблю!

ГЕРЦОГИНЯ (смеясь). Король Франциск был рыцарь

С осанкой царственной, но ты — прекрасней!

Зачем же, Гвидо, мне твердить: люблю!

(Берет руками его голову и приближает к себе).

Не знаешь разве ты, что я — твоя

Навек, душой и телом!

(Целует его, но внезапно встречает
взгляд МОРАНЦОНЕ и вскакивает).

О! Кто там?

(МОРАНЦОНЕ исчезает).

ГВИДО. Где, милая?

ГЕРЦОГИНЯ. Я видела глаза,

Горящие огнем, за этой дверью.

ГВИДО. Нет никого. Должно быть, промелькнула

Тень часового.

(Герцогиня продолжает стоять, глядя в окно).

Никого не видно.

ГЕРЦОГИНЯ. Но что нам может повредить, когда мы

В руках любви? Мне было б все равно,

Хотя б весь мир, устами низкой черни

Меня злословя, жизнь мою топтал.

Нам говорят, что полевой цветок
Сильнее пахнет, если он раздавлен,
Чем в поле на стебле, что травы есть
Без запаха, — но дивным ароматом
Дышащие, когда их разотрешь
Меж пальцами. Так молодую жизнь
Жестокий мир стремится раздавить,
Но лишь дает ей больше аромата
И прелести. И если любим мы,
Мы лучшим в жизни обладаем. Правда?

ГВИДО. Мне хочется шутить, смеяться, петь.

Я чувствую, что мог бы петь сегодня.

ГЕРЦОГИНЯ. Не говори! Вот миг, когда все в жизни
Слилось в единый сладостный восторг,
И замыкает Страсть уста печатью.

ГВИДО. Но пусть мои уста печать сломают.

Меня ты любишь, Беатриче?

ГЕРЦОГИНЯ. Да!

Как странно, что люблю врага.

ГВИДО. Врага?

ГЕРЦОГИНЯ. Тебя! Ты сердце мне пронзил стрелой;
Оно укромно, тихой жизнью жило,
Пока его ты не сразил.

ГВИДО. Поверь мне,

Стрелой той я ранил и себя.

От этой раны я умру сегодня,

Когда меня, врач милый, не спасешь ты.

ГЕРЦОГИНЯ. Я не могу лечить тебя; я тоже
Больна, как ты.

ГВИДО. Как я люблю тебя!

Я песню у кукушки перенял:

Твержу одно и то же.

ГЕРЦОГИНЯ. Мне не надо
Другой! И если это песнь кукушки,
То соловей охрип, и потерял
Свой голос жаворонок...

ГВИДО. Беатриче!

Целуй меня!

(Она берет руками его лицо, склоняется и целует его; раздается громкий стук в дверь; Гвидо вскакивает; входит слуга).

СЛУГА. Для вас, синьор.

ГВИДО. (беззаботно) Поддай.

(Слуга передает шкатулку, завернутую в красный шелк, и уходит; когда Гвидо уже готов открыть шкатулку, герцогиня подходит к нему сзади и, шутя, отнимает ее у него).

ГЕРЦОГИНЯ (смеясь). Бьюсь об заклад — от девушки подарок,

Цвета, которые носить ты должен!
Но я ревнива, не отдам тебя.
Как скряга, буду для себя беречь,
Хотя бы тем измучила тебя.

ГВИДО. Ты ошибаешься...

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, я права!

ГВИДО. Клянись тебе...

ГЕРЦОГИНЯ (отвернувшись, открывает шкатулку).

Изменник, отвечай:

Что означает этот знак: кинжал,
На нем литые леопарды...

ГВИДО (отнимая кинжал). Боже!

ГЕРЦОГИНЯ. Я посмотрю в окно; быть может, я
Узнаю герб слуги, который отдал
У входа ящик! Я хочу все тайны
Твои узнать.

(Со смехом бросается в галерею).

ГВИДО. О, ужас! Неужели

Так скоро я забыл про смерть отца?

Так скоро дал любви прокрасться в сердце?

И должен я любовь прогнать и в душу

Впустить убийство, ждущее у двери?

Я это должен! Разве я не клялся?

Но не сегодня ночью?.. Нет, — сегодня!

Прощайте, радости и звезды жизни,

Все милые воспоминанья, вся

Любовь, прощай! Кровавыми руками

Посмею ль я касаться рук невинных?

И уст ее коснусь ли я устами

Убийцы? Буду ли преступным взором

Смотреть в ее фиалковые очи,

Что ясностью своей слепят других

И в вечной ночи их с пути сбивают?

О, нет! Убийство страшную преграду

Воздвигнет между нами, — будет трудно

Через нее нам целоваться!

ГЕРЦОГИНЯ. Гвидо!

ГВИДО. Вы обо мне должны забыть навеки,

Изгнать меня из вашей жизни.

ГЕРЦОГИНЯ (идя к нему). Милый!

ГВИДО (отступая назад). Меж нами выросла преграда, мы

Переступить ее не смеем.

ГЕРЦОГИНЯ. Я

Все смею, если только ты со мной!

ГВИДО. Но с вами быть я не могу, не должен

Единым с вами воздухом дышать,
Лицом к лицу пред вашей красотой
Стоять не должен, перед ней слабеть
Моя рука и замыслов своих
Свершать не смеет. Дайте мне уйти,
Забудьте, что когда-то мы встречались.

ГЕРЦОГИНЯ. Как? Мне забыть те клятвы, что твердил ты,

Когда еще лобзаннями твоими

Горят уста?

ГВИДО. Беру назад я клятвы.

ГЕРЦОГИНЯ. Но ты не властен это сделать, Гвидо!

Те клятвы стали частью мира, воздух
Дрожит их музыкой, и пенье птиц
От них звучит нежней в саду прекрасном!

ГВИДО. Меж нами выросла преграда, я
Об ней не знал, верней — забыл об ней.

ГЕРЦОГИНЯ. Ее не будет, за тобою, Гвидо,
Я, в жалком рубище, идти готова
На край земли.

ГВИДО (жестоко). Увы! для нас двоих
Земля мала! Прощай, прощай навеки!

ГЕРЦОГИНЯ (кротко, подавляя свои чувства).
Зачем же ты ворвался в жизнь мою,
Зачем в душе моей, в саду пустынном,
Взрастил цветок любви?

ГВИДО. О, Беатриче!

ГЕРЦОГИНЯ. Теперь его ты хочешь вырвать с корнем,
Но эти корни в сердце так впились,
Что, вырывая их, ты вырвешь сердце.
Зачем же ты ворвался в жизнь мою?
Зачем открыл в душе любви источник,
Давно запечатленный?

ГВИДО. Боже! Боже!

ГЕРЦОГИНЯ (сложив руки).

Зачем во мне открыл ты шлюзы страсти,
Чтоб как река, во время половодья,
Сметающая все в своем пути,—
Любовь мне в душу рухнула лавиной
И жизнь мою с собою унесла?
Должна ли я теперь за каплей каплю

Сбирать все эти воды и опять
Запечатлеть их? Каждая из них
Слезой станет и соленой влагой
Отравит жизнь мою.

ГВИДО. О, замолчи!
Я должен от твоей любви уйти!
Передо мною путь, которым ты
Идти не можешь.

ГЕРЦОГИНЯ. Мне случилось слышать,
Что потерпевшие крушение в море,
От жажды изнывая на плотях,
В виденьях видят рощи и ручьи,
Но пробуждаются все с той же жаждой,
И умирать еще труднее им
Из-за обманов сна, и, умирая,
Они клянут их обманувший сон.
Тебя я не кляню, хотя крушение
Я потерпела в море том, что люди
Отчаяньем именовали...

ГВИДО. Боже!

ГЕРЦОГИНЯ. Останься, Гвидо, я люблю тебя.
(Она ждет некоторое время ответа).

Иль эхо умерло? О, почему
В ответ мне не звучит: люблю тебя!

ГВИДО. Все умерло; одно в живых, и то
Умрет сегодня ночью.

ГЕРЦОГИНЯ. Если так,
Ко мне не прикасайся! Уходи!
(Гвидо уходит).

Преграда! О какой преграде он
Мог говорить? Меж нами нет преград!
Он мне солгал, а я должна за это
Возненавидеть то, что я люблю,
И чем я восхищаюсь — презирать?
Нет! Женщины иной любовью любят.
И если вырежу я милый образ
Из сердца, сердце вслед за ним по миру,
Как раненный с т р е л о ю пилигрим,
Пойдет и будет звать назад с любовью!

(Входит герцог в охотничьем уборе, с сокольничьим и собаками).

ГЕРЦОГ. Вы ждать меня заставили, синьора.

Вы ждать собак заставили, синьора.

ГЕРЦОГИНЯ. Я не поеду нынче.

ГЕРЦОГ. Почему?

ГЕРЦОГИНЯ. Я, государь, не в силах.

ГЕРЦОГ. Бледноличка!

Со мной ты спорить смеешь? Я бы мог

Тебя к позорной кляче привязать

И гнать сквозь город, чтобы чернь, которой

Ты хлеб даешь, глумилась над тобой.

ГЕРЦОГИНЯ. Мне слова доброго от вас не слышать!

ГЕРЦОГ. Я крепко вас держу в своих руках,

К чему ж мне тратить добрые слова!

ГЕРЦОГИНЯ. Что ж! Я поеду.

ГЕРЦОГ (ударяя хлыстом по сапогам). Нет, я передумал.

Здесь у окна, как верная жена,

Должны вы ждать, пока мы не вернемся,

И грустно думайте о том, что может

Несчастье с супругом приключиться.

Синьоры, в путь! Волнуются собаки,

А я покорностью жены взволнован.

Где Гвидо?

МАФФИО. Целый час, как, ваша светлость,

Его нигде не видно.

ГЕРЦОГ. Ничего.

Его довольно я еще увижу.

А вы, синьора, сели бы за прялку.

К семейным добродетелям я склонен,

Синьоры, если вижу их — в других.

(Герцог уходит со свитой).

ГЕРЦОГИНЯ. Я чувствую, что звезды мне враждебны.

Сегодня ночью, как уснет супруг мой,

Я брошусь на кинжал и все покончу.

Мое окаменело сердце; только

Кинжала сталь его сумеет тронуть.

Пусть лезвие отыщет в сердце имя,

Там скрытое. Да, этой ночью герцог

Со мной развод получит... Но и он

Ведь может умереть; он очень стар.

Что, если он умрет сегодня ночью?

Еще вчера его рука немела,

А многих убивает паралич...

Бывают лихорадки, и удушья,

И разные болезни стариков...

Нет, нет, он не умрет, он слишком грешен.

Достойный умирает слишком рано,

Ни в эту ночь, ни больше никогда.

ГЕРЦОГИНЯ. Но кто же ты?

МОРАНЦОНЕ. Мне имя — мщенье!

(Уходит).

ГЕРЦОГИНЯ.

Мщенье?

Я в жизни не обидела ребенка.

Так почему ж ко мне стучится мщенье!

Не все ли мне равно? С ним рядом — смерть

Путь дымным факелом мне озаряет!

Ты людям ненавистна, смерть, но будешь

Со мною ты нежней, чем мой любовник!

Пошли скорее вестников своих,

Поторопи коней ленивых дня,

Пусть ночь, твоя сестра, взойдет скорее

И мир весь в траур облечет. Пусть филин,

Служитель твой, с угрюмой башни стонет,

И воют жабы, и мышей летучих,

Рабынь проклятых грозной Прозерпины,

Шуршат во мраке сумрачные крылья!

В горах безвестных вырви мандрагоры

И прикажи им петь! Вели кроту

Холодную постель в земле мне вырыть,

Чтоб нынче мне уснуть в твоих объятьях!

КОНЕЦ ВТОРОГО АКТА

АКТ III.

Широкая галерея в герцогском дворце; в окно (слева) открывается вид на Падую в лунном свете; лестница (справа) ведет к двери с портьерой алого бархата, по которой золотом вышит герцогский герб; на нижней ступени лестницы сидит фигура, закрытая черным плащом; вестибюль освещается железным треножником, наполненным горячей паклей; снаружи то гром, то молния; глубокая ночь.

ГВИДО (влезает в окно). Растет гроза; как лестница качалась!

Казалось, ветер оборвет веревки!

(Смотрит на город).

О, Боже, что за ночь! Гром в небесах,

И молнии летают с башни к башне

По городу, а бедные дома

Дрожат и клонятся при каждой вспышке

На узких улицах...

(Переходит через сцену к подножию лестницы).

Но кто же ты,
Сидящий здесь, как у порога смерти,
Чтоб душу грешную схватить? (Молчание).
Ответь же!

Иль ты не можешь говорить? Иль буря
Сковала холодом язык твой?
(Фигура встает и снимает маску).

МОРАНЦОНЕ. Гвидо

Ферранти, твой отец ликует нынче.

ГВИДО. (смущенно). Как, это вы?

МОРАНЦОНЕ. Я долго ждал тебя.

ГВИДО (глядя в сторону). Я вас не ждал, но вам я
очень рад.

Я вам скажу, что я намерен сделать.

МОРАНЦОНЕ. Сначала выслушай, что я придумал.

Поставил у ворот, ведущих в Парму,

Я лошадей: когда свой долг свершишь ты,

Мы тотчас же ускачем; завтра ночью...

ГВИДО. Тому не быть.

МОРАНЦОНЕ. Нет, это будет!

ГВИДО. Граф!

Я герцога решил не убивать.

МОРАНЦОНЕ. Я, верно, не расслышал. Повтори.

Года мой слух ослабили, я — стар.

Что ты сказал? Что ты своим кинжалом

Отмстишь убийство своего отца?

Не так ли?

ГВИДО. Нет, я повторяю, граф,

Что герцога решил не убивать.

МОРАНЦОНЕ. Не может быть; мне чувства лгут;
быть может,

Твои слова доходят искаженно.

ГВИДО. Вы верно слышали: я не убью.

МОРАНЦОНЕ. А как же клятва, о, изменник, клятва!

ГВИДО. Решился я нарушить эту клятву.

МОРАНЦОНЕ. А что ж убийца твоего отца?

ГВИДО. Вы думаете, будет рад отец,

Увидя на руках моих кровь старца?

МОРАНЦОНЕ. Он будет ликовать.

ГВИДО. Нет, я не верю.

Иначе думают на свете том:

Отмщенье Мне, и Аз воздам.

МОРАНЦОНЕ. Но ты

Орудие отмщенья.

ГВИДО. Не орудьем
Карает Бог, но правую десницей.
Я не убью.

МОРАНЦОНЕ. Зачем же ты пришел?

ГВИДО. Я в спальню герцога решил пробраться,
И спящему я положу на грудь
Кинжал с письмом; когда проснется, он
Узнает, в чьих руках он был и кем
Был пощажен. Вот доблестная месть,
Иной я не хочу.

МОРАНЦОНЕ. Ты не убьешь?

ГВИДО. Нет.

МОРАНЦОНЕ. Недостойный сын великих предков!
Ты терпишь, чтобы тот, кем был отец твой
Постыдно продан, — жил!

ГВИДО. Не вы ли мне
Убить его на рынке помешали
В тот первый день?

МОРАНЦОНЕ. Тогда не время было,
Оно пришло, а ты теперь, как дева,
Лепечешь о прощеньи!

ГВИДО. Нет, о мести.
Ее свершит сын моего отца.

МОРАНЦОНЕ. Ты — трус. Бери кинжал, ступай немедленно
В ту комнату и герцогское сердце
Мне принеси. Когда он будет мертв,
Ты будешь в праве рассуждать о мести.

ГВИДО. Вас заклинаю честью и любовью
К отцу покойному, ответьте, граф:
Ужели мог бы мой отец достойный,
Отважный рыцарь, благородный воин,
Прокрасться ночью в спальню, словно вор,
И спящего зарезать старика,
Хотя б он был им оскорблен: ответьте!

МОРАНЦОНЕ (после некоторого колебания).

Ты клятву дал! Исполнить должно клятву.
Дитя! ты думаешь, что я не знаю
Твоих сношений с герцогиней!

ГВИДО. Лжец,
Молчи! Не так чиста луна на небе,
Не так безгрешны звезды!

МОРАНЦОНЕ. Все ж — ты любишь.
Не знаешь ты, что женская любовь —
Игрушка в жизни.

ГВИДО.

Для тебя, — быть может:

В твоих, старик, бессильных жилах кровь
Едва стучит; твои глаза слезятся,
И в них войти не может красота,
Усталый слух твой чуткость потерял,
И для него нема певучесть слов.
Ты говоришь: любовь! Ее не знал ты.

МОРАНЦОНЕ. О, было время, при луне блуждал я.

Я клялся жить для ласк и поцелуев,
Я клялся, что умру, и вот не умер.
В плохих стихах я пел любовь, — о, плохо!
Но все ж как все влюбленные, изведал
Я боль разлуки и разгула буйство...
В конце концов мы — звери, а любовь
Под громким именем — простая страсть.

ГВИДО. Я вижу: никогда ты не любил!

Любовь есть таинство; она творит
Прекрасней доблесть; все пороки мира
Она стирает с сердца человека.
Она — огонь очистительный, в котором
Сгорают шлаки, золото являя;
Она — весна, что из земли холодной
Выводит в светлый мир невинность роз;
Она — тот цеп, что делит от мякины
Живые зерна. В наши дни Господь
Не сходит к людям, но любовь меж нами
Витает, как Его чистейший образ.
Любя, мы ведаем все тайны Бога
И тайны мира. Нет такой лачуги,
Ничтожной или малой, чтоб в нее —
Когда живущие в ней сердцем чисты —
Не снизошла любовь. Но если в дверь
Кровавое убийство постучится, —
Любовь и во дворце от этой раны
Умрет; и это — Божье наказание
За грех; любить не может, кто преступен.

(Из комнаты герцога слышен стон).

Что это? слышали? — нет, ничего. (Продолжает).

Призвание женщины — своей любовью
Спасать нас от грехов. Любя ее,
Ту лилию меж лилий, Беатриче,
Я понял, что достойней будет мщение:
Преступнику жизнь даровать, чем ночью
Кровавое возмездье совершить

И руки юные багрить во мраке.
И не во имя ли любви Христос,
Сам бывший воплощенною любовью,
Нам повелел прощать своим врагам?
МОРАНЦОНЕ (насмешливо). То было в Палестине, не
у нас;

Он говорил к святым, мы — только люди.
ГВИДО. То было сказано для всех времен.
МОРАНЦОНЕ. Что ж, лилия меж лилий, герцогиня
Тебе в награду даст за милосердьё?

ГВИДО. Увы! ее я больше не увижу.
Назад часов двенадцать я расстался
С ней так жестоко и в таком порыве,
Что для меня ее закрыто сердце.
С ней не увижусь.

МОРАНЦОНЕ. Что ж ты хочешь делать?

ГВИДО. Когда кинжал я положу на место,
Я Падную покину.

МОРАНЦОНЕ. А потом?

ГВИДО. Я попрошу, чтоб дож венецианский
Меня на службу принял и послал
Меня в сраженья. Не ценю я жизнь
И брошу радостно ее на копья.

(Снова из комнаты герцога слышен стон).

Вы слышали? что это?

МОРАНЦОНЕ. Слышу только
Я крик о мести из могилы темной.
Мы тратим время, скоро встанет солнце.
Решай: свершишь ли долг свой?

ГВИДО. Я решил.

МОРАНЦОНЕ. Отец несчастный, ты отмщен не будешь!

Гвидо. Еще несчастней — быть отцом убийцы.

МОРАНЦОНЕ. Но что такое жизнь?

ГВИДО. Не знаю, граф.

Не я дал жизнь, не мне ее отнять.

МОРАНЦОНЕ. Благодарил я Бога редко; ныне
Благодарю, что не имею сына!

Нет, не отца в тебе струится кровь,
Когда, врага держа в своих руках,
Его щадишь ты. Лучше бы остаться
Тебе в простой семье, где вырос ты.

ГВИДО. Быть может, было б лучше, но еще
Мне было б лучше вовсе не родиться.

МОРАНЦОНЕ. Прощай!

ГВИДО. Прощайте, граф. Настанет день,
Вы месть мою поймете.

МОРАНЦОНЕ. Никогда!

(Спускается в окно и удаляется по веревочной лестнице).

ГВИДО. Мое решенье знаешь ты, отец,
И этой мстью будешь ты доволен.
Я герцогу оставлю жизнь, но верю, —
Я поступаю так, как хочешь ты.
Не знаю, в силах ли наш смертный голос
Проникнуть за врата стальные смерти,
И знают ли умершие, что мы
Творим во имя их, иль не творим.
Но чье-то здесь присутствие я чувю,
Со мною рядом чья-то тень стоит,
Уста бесплотные моих коснулись;
Благословляю их. (Преклоняет колени).

Отец, ты ль это?

О, если б, одолев уставы смерти,
В телесном образе предстал ты мне,
Чтоб я припал к руке твоей! — Все тихо. (Встает).
То — ночь обманами тревожит чувство.
Как в кукольном театре, ночью мы
Там видим нечто, где нет ничего.
Но поздно. Мне пора за дело.

(Вынимает из камзола письмо и пробегает его глазами).

Герцог

Письмо найдет, проснувшись, и кинжал.

Он ужаснется ли за жизнь свою?

Покается, изменится, захочет

Жить лучше? Или только посмеется,

Что пощадил я злейшего врага?

Мне все равно. Твое, отец, веленье

Я исполняю и веленье той,

Через которую тебя познал!

(Осторожно входит по лестнице, но в ту минуту, когда он протягивает руку, чтобы отодвинуть занавес, выходит герцогиня, вся в белом; Гвидо отступает).

ГЕРЦОГИНЯ. ВЫ, Гвидо, здесь! Зачем вы здесь так поздно?

ГВИДО. О, белый, непорочный ангел! Ты

С небес сошла, конечно, — возвестить.

Что милосердие прекрасней мести!

ГЕРЦОГИНЯ. Меж нами больше нет преграды, Гвидо.

ГВИДО. Да! больше нет.

ГЕРЦОГИНЯ. Я это совершила.

ГВИДО. Здесь жди меня.

ГЕРЦОГИНЯ. Как? ты опять уходишь?

Ты вновь меня покинешь, как тогда?

ГВИДО. В одно мгновение я вернусь назад,
Но к герцогу войти я должен в спальню
И там письмо с кинжалом положить.

Когда проснется утром он...

ГЕРЦОГИНЯ. Кто?

ГВИДО. Герцог.

ГЕРЦОГИНЯ. Он не проснется.

ГВИДО. Как! он умер?

ГЕРЦОГИНЯ. Умер.

ГВИДО. О, Боже! как пути Твои чудесны!

Кто мог бы угадать, что той же ночью,

Когда я мечь вручал Твоей руке,

Своей десницей Ты его коснешься

И призовешь перед Собой на суд!

ГЕРЦОГИНЯ. Кинжалом герцога убила я.

ГВИДО. (в ужасе). О!

ГЕРЦОГИНЯ. МИЛЫЙ, подойди, все расскажу.

Себя убить хотела я сегодня.

Проснувшись час назад, из-под подушки

Достала я кинжал, хранимый там,

И обнажила лезвие из ножен.

И с мыслью, как тебя люблю я, Гвидо,

Я острие направила в себя.

Вдруг увидала я, что рядом спит

Старик, от лет и от грехов усталый,

Проклятия произнося сквозь сон.

И вот, глядя на гнусное лицо,

Как в блеске молнии вдруг поняла я:

Вот та преграда, о которой Гвидо

Мне говорил, — ты, помнишь, о преграде

Мне говорил, — иной не может быть!

Я помню смутно, что случилось после.

Туман кровавый между мной и им

Застлал глаза мне.

ГВИДО. Ужас!

ГЕРЦОГИНЯ. Простонал он,

И больше не стонал. Лишь было слышно,

Как капала по капле на пол кровь.

ГВИДО. Довольно! О, довольно!

ГЕРЦОГИНЯ. Почему же

Меня ты не целуешь? Говорил ты,

Что ангелами женская любовь
Вас делает; зато любовь мужская
Нас превращает в мучениц, готовых
Все вытерпеть.

ГВИДО. О, Боже!

ГЕРЦОГИНЯ. Говори же!

ГВИДО. Я говорить не в силах.

ГЕРЦОГИНЯ. Слов не надо.
Бежим скорей. Меж нами нет преграды.
Чего ж ты медлишь? Скоро утро. Время!
(Кладет руку на плечо Гвидо).

ГВИДО (отступая от нее). Святая дьявола иль ангел ада,
Прочь! Что за демон научил тебя!
Пусть ты убила мужа, — что мне в этом,
Его души давно заждался ад! —
Но ты любовь убила и ее
Кроваво-страшным заменила делом.
Его дыханье дышит черным ядом
И все мертвит во мне.

ГЕРЦОГИНЯ (В крайнем изумлении). Но это все
Лишь для тебя мной сделано. Когда бы
Не ты, об этом я не помышляла б!
Ты должен был остаться чуждым крови,
Безвинным, безответным, беспорочным.
Мы, женщины, всем жертвуем любви,
И за тебя я погубила душу
В сей жизни и в другой!

ГВИДО. Не прикасайся!
Поток кровавый реет между нами!
Я чрез него не вижу. Убивая
Того, вонзила ты клинок в любовь.
Нам вместе быть нельзя.

ГЕРЦОГИНЯ (ломаю руки). Лишь для тебя,
Лишь для тебя! Ужели ты не понял?
Ты мне сказал: меж нами есть преграда.
Она теперь в той комнате лежит, —
Повержена, разломана, разбита,
Нас больше не разделит.

ГВИДО. Ты ошиблась.
Грех был преградой, ты его свершила;
Злодейство и убийство было ею,
Ты взгромозила их своей рукой
Так высоко, что дотягнула неба,
Что Бога дотягнула.

ГЕРЦОГИНЯ. Для тебя
Все совершила я, лишь для тебя,
Меня покинуть ты не можешь, Гвидо.
Достань коней, бежать нам должно тотчас.
Былое — тяжкий сон, его забудем!
Вся жизнь пред нами, перед нами дни
Любви, и опьянения, и веселья!
Нет, не веселья — плакать мы должны.
Но плакать будем вместе. Буду я
Служить тебе; я буду милой, нежной:
Меня еще не знаешь ты.

ГВИДО. Нет, знаю!

Прочь, говорю я, с глаз моих.

ГЕРЦОГИНЯ (Ходя взад и вперед). О, Боже!

Как я его любила!

ГВИДО. Никогда

Ты не любила. Иначе любовь
Тебе сковала б руки. Как мы можем
Делить с тобою пиршество любви?
В вино любви ты яду налила,
И сладких яств коснулося убийство.

ГЕРЦОГИНЯ (бросается на колени).

Тогда убей меня. Я пролила
Кровь нынче ночью. Что ж, пролей и ты.
Рука с рукой, на небо или в ад
Пойду я вместе с ним. Вынь шпагу, Гвидо!
Когда она вонзится в это сердце,
Она найдет в нем, может быть, твой образ.
А если ты убить меня не хочешь,
Скажи мне слово, — и сама я брошусь
На этот нож.

ГВИДО (вырывая у нее кинжал). Отдай его мне. Боже,

Твоя рука вся кровью залита!

Здесь — ад; я быть здесь не могу; уйди!

Я на твое лицо смотреть не в силах!

ГЕРЦОГИНЯ. Ах, если б на твое я не смотрела!

(Гвидо отстраняется; она, продолжая стоять
на коленях, хватает его руки).

Нет, Гвидо, выслушай еще минуту.

Пока тебя не довелось мне встретить,

Я в Падуе жила несчастной, правда,

Но никогда не мысля об убийстве.

Я подчинилась грозному супругу,

Я исполняла все его веленья

И, может быть, была невинней многих
Тех девушек, которые теперь
От рук моих в испуге отшатнутся.
(Встает).

Но ты пришел; ах, Гвидо, в первый раз
С тех пор, как с Францией рассталась я,
Я услышала ласковое слово
Из уст твоих: да, да! О, только это!
Да, ты пришел, и я в твоих глазах
Прочла обет любви; моей душе
Как музыка твои слова звучали.
Как я тебя любила! Но не смела
Я о любви тебе и намекнуть.
К моим ногам ты сам склонился, Гвидо,
Давая клятвы, — как склоняюсь я.
(Вновь становится на колени).

Как сладостно в моих ушах те клятвы
Еще звучат, — о, верила я им.
Ты клялся мне в любви, и я могла бы
(И тысячи других так поступили б!)
Сказать тебе: пойдя, убей его!
И если б это сделала я, — нынче
Я не лежала б пред тобой во прахе,
(встает)

Но ты мне клялся бы в любви безмерной.
(После короткого молчания приближается к нему робко).
Не знаю, понял ли меня ты, Гвидо:
Лишь для тебя свершила я убийство,
Что холодом мне оковало кровь.
Лишь для тебя.

(Простирая руки).

Ты говорить не хочешь?

Люби меня хотя б немного, — я
И девушкой не знала ни любви,
Ни дружбы.

ГВИДО. Тяжело тебя мне видеть.

Мне предлагаешь благосклонность ты, —
Отдай ее придворным дамам.

ГЕРЦОГИНЯ. Вот как!

Так говорит мужчина! Если б ты
Принес ко мне тяжелый грех на сердце,
Убийство, совершенное за плату, —
Я стала бы у ложа твоего,
И стерегла б всю ночь, и не дала бы
Раскаянью прийти и влить свой яд

В твой слух, и сон твой берегла бы зорко.
Преступник более страдает, — он
И более нуждается в любви.

ГВИДО. Где преступленье, там любви не место.

ГЕРЦОГИНЯ. ГДЕ преступленье, нет любви! О, Боже!

Мы, женщины, не так любить умеем!
Как много в Падуе есть бедных женщин, —
Ремесленников и рабочих жены, —
Мужья которых заработок свой
В тавернах тратят на игру и пьянство,
И, приходя домой в субботу ночью,
У очага потухшего найдя
Жену с ребенком плачущим, без хлеба,
Ее жестоко бьют за то, что плачет
От голода ребенок, и за то,
Что в доме холодно. А что ж она? —
Любя его, все так же встанет утром,
С лицом, еще покрытым синяками,
Дом подметет, исполнит всю работу,
И, улыбаясь, будет рада, если
Ее вторично муж не поколотит
Перед детьми!.. Вот женская любовь.
(Молчание. Гвидо не говорит ничего).

Нет, Гвидо, ты меня не оттолкнешь.
Подумай: мне ведь некуда пойти.
Лишь для тебя я пролила ту кровь,
Лишь для тебя я погубила душу
И вечное спасенье.

ГВИДО. Уходи.

Стал призраком убитый, и любовь,
Как призрак тоже, здесь витает грустно,
По дому, как по склепу, бродит, плача,
Что твой кинжал вонзился в сердце ей.
Ты видишь этот призрак?

ГЕРЦОГИНЯ. Вижу я,

Что отдает своей любви мужчина
Лишь часть души, — а женщина любви
Всю душу отдает. Я это вижу.

ГВИДО. Прочь! Воскреси убитого, тогда
С тобой я буду вновь.

ГЕРЦОГИНЯ. Ах, если б было
Убитого возможно воскресить,
Вернуть его глазам потухшим зренье,
Его язык умолкший оживить

И сердце мертвое заставить биться!
Но этого нельзя; что было, — было;
Кто умер, будет мертв; уже огонь
Не даст ему тепла, и зимний холод
Его не потревожит. Он — не здесь.
Пусть позовут его, он не ответит;
Пусть позабавят, — он не засмеется;
Пусть снова ранят, кровь не заструится.
Ах, если б воскресить его могла я!
О, Боже, поверни немного солнце,
Из книги жизни вырви эту ночь,
Да будет так, что не было ее!
Дай быть мне той же, что и час назад!
Нет, время на мгновение не замедлит,
Не повернется солнце, хоть бы голос
Раскаянья охрип. Но ты, мой милый,
Ужель ни слова жалости не можешь
Сказать мне? Гвидо, Гвидо, неужели
Поцеловать меня не можешь ты?
Не брось меня в отчаянье, в безумье.
Ведь женщина теряет разум, если
Так смотрят на нее. Ужель меня
Не поцелуешь?

ГВИДО (держа кинжал). Не могу тебя
Я целовать, когда твой нож в крови.
(Яростно).

Вернись к тому, кто был тобой убит!
ГЕРЦОГИНЯ (Всходя на первые ступени лестницы).

Вернусь к нему. Да будет милосердной
К тебе судьба, чем ты ко мне сегодня.

ГВИДО. Да будет милосердной, если нынче
И я убийство совершу.

ГЕРЦОГИНЯ (спускаясь на несколько ступеней). Убийство?

Убийство — жадно, малым недовольно,
И ненасытна смерть, его сестра;
Она по дому бродит, не уйдет;
Пока не обретет себе подруги!
Смерть, погоди, я дам тебе слугу,
Бродить с тобою! Перестань, убийство,
Кричать: ты скоро голод свой насытишь.
На этот дом до утра грянет буря,
Такая страшная, что месяц в небе
От ужаса замрет и побледнеет.
Со стоном ветер воет вокруг, и звезды

В безумном беге чертят небосвод,
Как если б ночь огнистыми слезами
О том рыдала, что увидит утро!
Плачь, горестное небо! Выплачь горе!
Хотя б ты хлынуло потопом в поле
И превратило землю в море слез,
Все было б мало!

(Удар грома).

Слышишь? Это — небо

Дает нам знак. Проснулась месть, спустила
Своих собак на мир. Обоим нам
Она грозит. и тот, на чью главу
Небесный гром падет, пусть бережется
Погибели в огне разящих молний!

(Блеск молнии, сопровождаемый ударом грома).

ГВИДО. Прочь! Прочь!

(Герцогиня уходит; когда она поднимает алый занавес перед дверью, она, обернувшись, одно мгновение смотрит на Гвидо, но тот не делает ни одного движения; раскат грома).

У ног вся жизнь, как груда пепла;

Любовь сама себя убила; в жизнь

Кровавою пятой вошло убийство.

Она свершила это; но меня

Она любила; любит и теперь:

Лишь для меня решилась это сделать.

О, как я был жесток с ней. Беатриче,

Послушай, Беатриче, возвратись!

(Подымается по лестнице, когда слышится шум идущих солдат).

Что это? факелы? сюда идут?

Спаси ее, о, Боже!

(Шум усиливается).

Беатриче!

Еще бежать есть время! Возвратись!

Скорей!

(Слышен голос герцогини за сценой).

ГЕРЦОГИНЯ. Туда бежал убийца мужа.

(Вниз по лестнице стремительно сбегает отряд солдат; они сначала не замечают Гвидо, пока герцогиня, окруженная слугами с факелами, не появляется на верху лестницы и не указывает на него; Гвидо тотчас схватывают, и один из солдат, вырвав у него из руки кинжал, показывает его перед всеми начальнику отряда. Картина).

АКТ IV.

Зала суда: стены обиты серым тисненым бархатом; выше этой обивки стены красные; золоченые символические фигуры поддерживают потолок из красных балок с серым карнизом и фризом; балдахин из белого атласа, вышитый золотыми цветами, поставлен для герцогини; ниже — длинная скамья, покрытая красным сукном, для судей; еще ниже — стол для судебных писцов. Два солдата стоят по сторонам балдахина; два других на страже у двери; часть горожан уже пришла на суд; другие приходят, приветствуя друг друга; два стража, в лиловом одеянии, с длинными белыми жезлами, поддерживают порядок.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Доброе утро, сосед Антонио.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Доброе утро, сосед Доменико.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Страшный день для Падуи, не правда ли? — герцог умер.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Могу сказать, сосед Доменико, что такого дня не бывало с того времени, как умер последний герцог.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Сперва будут судить его, а потом произнесут решение, ведь так, сосед?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Нет, так он, пожалуй, увернется от наказания; они его сначала осудят, чтобы он получил свое, а судить будут потом, чтобы несправедливости не было.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Верно, верно, с ним поступят круто, нечего сомневаться.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. И впрямь это страшное дело — пролить кровь герцога.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Говорят, у герцогов кровь голубая.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Я так думаю, что у нашего герцога кровь была черная, как его душа.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Берегись, сосед, на тебя поглядывает страж.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Чего мне бояться, если он на меня смотрит; он ведь не может поколотить меня глазами.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. А ЧТО ВЫ думаете о молодчике, всадившем нож в герцога?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Человек очень милый, очень добрый, очень славный, и все же виноват в том, что убил герцога.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Это он в первый раз; может

быть, суд его и помилует, так как раньше он ничего подобного не делал.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Верно.

СТРАЖ. Молчи, негодяй!

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Разве я ваше зеркало, господин страж, что вы меня называете негодяем?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Вот идет одна из служанок. Ну, синьора Лючия, вы состоите при дворе, как поживает бедная герцогиня, что ее милое личико?

ЛЮЧИЯ. Ну, денек! Что за ужасный день! Что за день! Что за ужас! Ровно девятнадцать лет назад, в июне, в день святого Микеля, я вышла замуж, а вот теперь август, и герцога зарезали. Посмотрите, какое совпадение.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Уж если это совпадение, то молодчика, пожалуй, не казнят: закон против совпадения не пойдет.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Но как поживает герцогиня?

ЛЮЧИЯ. Да, я ведь знала, что над этим домом стряется несчастье: шесть недель назад пироги пригорали на один бок, а в день святого Мартина, под вечер, налетел на огонь громадный мотылек с крыльями, — я совсем перепугалась.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Эх, кумушка, перейди к герцогине: что она?

ЛЮЧИЯ. Верно, самое время спрашивать об ней; бедняжка чуть не помешалась. Всю ночь не спала, все ходила по комнате. Уж я ее просила выпить вина покрепче или настойки, да лечь в постель и поспать немного, чтобы силы подкрепить, но она ответила, что боится увидеть сон. Станный ответ, не правда ли?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Знатные люди всегда с придурью, это Бог устроил за то, что у них шелки да бархаты.

ЛЮЧИЯ. Да, уж упаси нас, Боже, от убийства, пока мы живы.

(Входит быстро МОРАНЦОНЕ).

МОРАНЦОНЕ. Герцог умер?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Ему нож воткнули в сердце, а это никому не на пользу.

МОРАНЦОНЕ. Кого обвиняют в убийстве?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Да обвиняемого, синьор.

МОРАНЦОНЕ. А кто обвиняемый?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Да тот, кого обвиняют в убийстве герцога.

МОРАНЦОНЕ. Я спрашиваю, как его зовут?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Помилуй Бог, зовут, как окрестили, как же иначе?

СТРАЖ. Его зовут Гвидо Ферранти, синьор.

МОРАНЦОНЕ. Я был почти уверен в этом раньше.

(В сторону)

Что герцога убил он, это странно,
Иное он задумывал. Но, верно,
Когда он герцога увидел ночью, —
Его отца продавшего злодея, —
В порыве страсти он забыл свои
Безумные мечтанья о любви
И пожелал отмстить; но странно только,
Что он не спасся.

(Поворачиваясь к другим)

Как его схватили?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. За волосы, должно быть, синьор.

МОРАНЦОНЕ. Нет, кто его схватил?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Да тот, кто наложил на него руку.

МОРАНЦОНЕ. Кто поднял тревогу?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Этого не могу сказать вам, синьор.

ЛЮЧИЯ. Сама герцогиня указала убийцу.

МОРАНЦОНЕ (в сторону). Герцогиня? Это очень странно.

ЛЮЧИЯ. Да, и в руке у него был кинжал, — собственный кинжал герцогини.

МОРАНЦОНЕ. Что вы сказали?

ЛЮЧИЯ. Клянусь честью, герцог был убит кинжалом герцогини.

МОРАНЦОНЕ (в сторону). Здесь есть какая-то тайна: я этого не понимаю.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Долго они что-то не идут.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. По-моему, для преступника они придут слишком вовремя.

СТРАЖ. Молчание в суде!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. ВЫ, господин страж, сами больше всех шумите своим криком.

(Входит верховный судья и другие судьи).

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Кто это в красном? палач?

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Нет, это — верховный судья.

(Входит ГВИДО под стражей).

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Это, наверное, преступник.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. У него вид честный.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Этим-то он и плох: негодяи в наши дни так похожи на честных людей, что честному человеку, для отличия, надо быть похожим на негодяя.

(Входит ПАЛАЧ, который занимает место сзади ГВИДО).

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Вот там, должно быть, палач. Господи! Как ты думаешь, топор отточен?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Поострее твоих острот; но лезвие направлено не на него, заметь.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН (почесывая шею). По правде сказать, неприятно быть поблизости от него.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Э, тебе-то его нечего бояться; простым людям голов не рубят; их просто вешают.

(Трубы за сценой).

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Почему трубят? разве суд кончился?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Нет, это для герцогини. (Входит ГЕРЦОГИНЯ в черном бархатном платье; его шлейф из черного бархата, вышитого цветами, несут два пажа, одетые в лиловое; с ней кардинал в алой сутане и придворные, все в черном; герцогиня садится на свой трон выше судей, которые встают и снимают шляпы при ее появлении; кардинал садится рядом с герцогиней, несколько ниже ее; придворные располагаются вокруг трона).

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Бедняжка, как она бледна! Она сядет на трон?

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Да, ведь она теперь у нас вместо герцога.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Это для Падуи хорошо; герцогиня очень добрая и сострадательная герцогиня; она лечила у меня ребенка от лихорадки.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИН. Да, и еще дала нам хлеба: не надо забывать про хлеб.

СОЛДАТ. Добрые люди, отступите.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Если мы добрые, зачем нам отступать?

СТРАЖ. Молчание в суде!

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. По вашему желанию, ваша светлость,

Мы приступаем, если вам угодно,

К разбору дела, как убит был герцог.

(Герцогиня наклоняет голову в знак согласия).

Пусть подойдет преступник. (Гвидо подводят).

Как тебя

Зовут?

ГВИДО. Синьор, не важно это.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ.

Гвидо

Ферранти, — так тебя здесь называли.

ГВИДО. Не все ль равно мне, буду я казнен

Под этим именем иль под другим?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. ТЫ знаешь, по какому обвинению

Тяжелому ты привлечен сюда;

А именно: что был тобой убит

Симоне Джессо, герцог Падуанский.

Что можешь возразить ты?

ГВИДО.

Ничего.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ (вставая). Тогда наш долг...

МОРАНЦОНЕ (выступая из толпы). Помедлите, синьор.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Кто ты, что предлагаешь правосудию

Помедлить?

МОРАНЦОНЕ. Если это правосудье,

Пусть оно свершится; если ж нет...

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Кто это?

БАРДИ.

Знатный человек: его

Знавал покойный герцог.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Вы, синьор,

Явились вовремя, чтоб увидеть,

Как будет отомщен покойный герцог.

Вот человек, свершивший злое дело.

МОРАНЦОНЕ. Есть доказательства у вас, синьор?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ (показывая кинжал).

Вот этот окровавленный кинжал.

Он был из рук его, кровавых тоже,

Солдатом вырван нынче ночью. Нужно ль

Иных нам доказательств!

МОРАНЦОНЕ (берет кинжал и приближается к герцогине).

Ваша светлость,

Не этот ли кинжал вчера я видел

У вас на поясе?

(Герцогиня содрогается, но ничего не отвечает).

Позвольте мне,

Синьор, поговорить одну минуту

С несчастным юношей.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Синьор, охотно.

Быть может, вы его уговорите

Нам сделать полное признание.

(МОРАНЦОНЕ подходит к ГВИДО, стоящему направо, и берет его за руку).

МОРАНЦОНЕ (вполголоса).

Гвидо!

Убила герцогиня. Я прочел

Признание в ее глазах. Ужели,
Ты думаешь, позволю я, чтоб ты
Казнен был за чужое преступленье!
Отец твой герцогом был предан: ныне
Его вдова здесь предает тебя.

ГВИДО. Граф, это сделал я. Отмщен отец мой.
Чего ж вам более?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Сознался он?

ГВИДО. Я сознаю, что было свершено

Ужасное, постыдное убийство.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Ну, посмотрите, какое у него
доброе сердце: он совсем не похож на убийц; они его
оправдают.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. И это все?

ГВИДО. Синьор, еще скажу я,

Что смертный грех — пролить чужую кровь.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Ему бы следовало сказать это
палачу: дельное мнение.

ГВИДО. Теперь, синьор, прошу я позволения —

Здесь, перед судом, открыто объяснить,

Что скрыто тайного в убийстве этом,

И вам назвать того, кто этой ночью

Кинжалом этим герцога убить.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Ты можешь говорить.

ГЕРЦОГИНЯ (вставая). Нет, он не должен:

Не очевидно разве это дело?

Не он ли схвачен ночью, во дворце,

В плаще залитом кровью?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ (показывая ей книгу законов).

Ваша светлость,

Прочтите, вот закон.

ГЕРЦОГИНЯ (отталкивая книгу). Синьор, уместно ль,

Чтоб человек, как этот, в праве был

Здесь, пред лицом народа, надругаться

Над герцогом, моим покойным мужем,

Над честью города, и надо мной,

Быть может...

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Государыня, но — право?

ГЕРЦОГИНЯ. Он говорить не должен! Пусть ему

И рот заткнут, когда взведут на плаху.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Но право?

ГЕРЦОГИНЯ. Разве связаны мы правом?

Других мы вяжем им.

МОРАНЦОНЕ. Синьор, ужели

Допустите вы это беззаконье?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Таких советов, граф, суду не
нужно.

Пример опасный был бы, ваша светлость,
Обычный путь закона преграждать.

Бесправию мы тем дадим возможность

Коснуться наших золотых весов,

И беззаконие тогда победу справит.

БАРДИ. Нельзя мешать закону, ваша светлость.

ГЕРЦОГИНЯ. Но, если, благородные синьоры,

Затронуть ваши земли и богатства,

И ваши беспредельные доходы

Осмелиться на грош один уменьшить, —

Не будете вы говорить о праве

С таким упорством важным, как теперь.

БАРДИ. На нас клевете вы, ваша светлость.

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, я не клевету. И кто из вас,

В своем дому застигнув ночью вора,

Несущего в мешке домашний хлам,

С ним станет говорить, а не предаст

Его тотчас же в руки сторожей,

Чтоб отвести его в тюрьму? Не так ли

Должны вы поступить, когда нашли

Убийцу в комнате дворца, с руками,

Залитыми горячей кровью мужа?

Его должны вы привести на суд

И под топор послать без промедленья.

ГВИДО. О, Боже!

ГЕРЦОГИНЯ (к верховному судье). Отвечайте.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Ваша светлость,

Есть точные законы, по которым

Простой убийца все ж имеет право

От обвиненья лично защищаться.

ГЕРЦОГИНЯ. Синьор, пред нами не простой убийца.

Он вне закона, он изменник низкий,

На наше герцогство он поднял руку.

Кто убивает государя, с ним

И государство поражает вместе;

Жен делает вдовами, а детей

Сиротами; подобен он врагу,

Пришедшему на нас с военной силой,

Ведя с собой ряды венецианцев,

Чтоб стены Падуи низвергнуть в прах.

Нет, он для нас опаснее врага.
Врата и стены, крепости и замки,
Что создано из дерева и камня,
Возможно воссоздать, но кто вернет
Жизнь моему убитому супругу,
Кто воскресит его?

МАФФИО. Клянусь я верой,

Он не получит права говорить.

ДЖЕППО ВИТЕЛЛОЦЦО. Похоже так, но слушайте.

ГЕРЦОГИНЯ.

Пускай

Посыпет пеплом Падуя главу.
Повесит всюду черные знамена
И облечется в траур. Только прежде,
Чем мы приступим к горестным обрядам,
Подумать должно о руке преступной,
Готовившей погибель государству;
Пора убийцу бросить в тесный дом,
Где звуков нет, где малой горстью пыли
Навек замкнутся лживые уста.

ГВИДО. Пустите, стражи! Выслушай, судья!

Как не смиришь ты вольный океан,
Альпийскую грозу иль зимний ветер,
Так тщетно мне приказывать молчать!
Свои ножи в меня сейчас вонзите, —
Все раны тотчас обретут язык
И будут вопиять!

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Синьор, напрасен

Такой порыв. Покуда суд не даст

Тебе законно права защищаться,

Мы слов твоих не примем во вниманье.

(Герцогиня смеется, а Гвидо с жестом отчаянья
отступает назад).

Позвольте мне и судьям, ваша светлость,

Пройти в другую комнату и там

Все затруднения дела разобрать

И подыскать законы и примеры.

ГЕРЦОГИНЯ. Синьор, идите, рассмотрите дело

И воспретите вольничать убийце.

МОРАНЦОНЕ. Идите, судьи, и спросите совесть,

Возможно ли, не выслушав, казнить.

(Верховный судья и другие судьи удаляются).

ГЕРЦОГИНЯ. Молчи, злой дух моей несчастной жизни!

Ты встал вторично между мной и ним,

Но этот раз, синьор, черед за мною.

ГВИДО. Я не умру, не высказав всего.

ГЕРЦОГИНЯ. Умрешь и тайну унесешь с собою.

ГВИДО. Ты ль это, герцогиня Беатриче?

ГЕРЦОГИНЯ. Я—то, чем сделал ты меня. Смотри:

Я рук твоих создание.

МАФФИО. Не похожа ль

Она сейчас на белую тигрицу,

Что Индия прислала дожу в дар?

ДЖЕППО. Молчи, еще услышит.

ПАЛАЧ. Бедный малый,

Зачем тебе охота говорить,

Когда топор уже висит над шеей?

Словами не притупишь острия.

Но если это так тебе желанно,

То попроси себе духовника:

Простые люди все его зовут,

А он, я знаю, с доброю душой.

ГВИДО. Хоть смерть и ремесло твое, но все же

Ты был со мной любезнее других.

ПАЛАЧ. Спаси вас Бог, синьор, а я готов

Вам оказать последнюю услугу.

ГВИДО (к кардиналу).

Скажите, монсиньор, возможно ль, чтобы

Здесь, в христианском городе, где лик

Спасителя глядит на нас в суде, —

Без исповеди был казнен несчастный?

Мне запретят ли исповедать грех,

Тяжелый грех, в душе лежащий камнем?

ГЕРЦОГИНЯ. Напрасно было б тратить время.

КАРДИНАЛ. Сын мой,

В делах суда я власти не имею.

Наш долг там начинается, где суд

Кончает дело. И тогда тебя

Раскаяться мы будем убеждать

И церкви на ухо повидать тайны

Твоей души греховной.

ГЕРЦОГИНЯ. Да, ты можешь

На исповеди столько говорить,

Что у тебя от слов распухнут губы,

Но здесь молчать ты должен.

ГВИДО. Монсиньор,

Мне в этом мало утешенья.

КАРДИНАЛ. Сын мой,

Власть церкви переходит за пределы

Того комка земли, на коем мы —
Лишь прах, как говорит Иероним.

И если ты раскаянным умрешь,
Молитвами и мессами мы можем
Твоей душе в чистилище помочь.

ГЕРЦОГИНЯ. И если ты в чистилище увидишь
Покойного супруга, с язвой в сердце,
Скажи ему, что послан мной.

ГВИДО. О, Боже!

МОРАНЦОНЕ. И эту женщину ты мог любить!

КАРДИНАЛ. Как вы к нему жестоки, ваша свет-
лость.

ГЕРЦОГИНЯ. Не более, чем ко мне он был жесток.

КАРДИНАЛ. Пощада — украшенье государей.

ГЕРЦОГИНЯ. Я не шажу и не прошу пощады.

Он сердце обратил мне в твердый камень,
Он тернии посеял в чистом поле,
Он в сердце отравил источник блага,
Он вырвал с корнем жалость из души;
Вся жизнь моя — голодная страна,
В которой все живое помертвело.
Я то, чем сделал он меня.

(Герцогиня плачет).

ДЖЕППО. Как странно,

Что герцога она любила так.

МАФФИО. Да, странно, если муж любим женою,

А если не любим, — еще страннее.

ДЖЕППО. Какой философ ты, Петруччи!

МАФФИО. Да,

С моею философией легко

Несчастия других переношу я.

ГЕРЦОГИНЯ. Седые бороды, довольно медлить.

Зовите их, велите им прийти,
А то боюсь, что сердце разорвется!

Не потому, чтоб мне хотелось жить;

Бог видит жизнь мою, в ней мало счастья,

Но как-то страшно умереть одной

И в ад одной идти... Ах, монсиньор,

Вы видите, здесь, на моем челе,

Написано пером кровавым: Мечь!

Подайте мне воды, я смою слово.

Мне эти буквы выжгли нынче ночью,

Но днем я не могу их выносить,

Они мне жгут и сушат мозг; подайте

Мне нож, не этот, нет, другой, я срежу
Их прочь с чела!

КАРДИНАЛ. Понятно, ваша светлость,
Что гневаетесь вы на руку ту,
Что герцога предательски убила.

ГЕРЦОГИНЯ. А! Эту руку я сожгла б в огне;
Но вечный пламень пусть палит ее!

КАРДИНАЛ. Спаситель повелел — прощать врагам.

ГЕРЦОГИНЯ. Прощать? Мне не прощали! Я не буду!

Но вот идут. Ну что ж, синьор, ну что ж?

(Входит ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ и другие судьи).

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Всемиловитейшая герцогиня!

Мы долго обсуждали ваш вопрос
И, признавая мудрость ваших слов,
Что исходили из прекрасных уст...

ГЕРЦОГИНЯ. Любезностей не надо, дальше!

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Мы

Нашли, что справедливо ваша светлость
Считает гражданина, кто насильем
Злоумышляет против государя,
Стоящим ipso facto — вне закона.
Он сам себя лишил защиты права
И, став изменником, врагом народа,
Он может каждым быть убит свободно,
Причем убивший не несет ответа.
И если будет он представлен в суд,
Он должен там в почтительном молчаньи
Прослушать только должный приговор,
Лишившись права защищать себя.

ГЕРЦОГИНЯ. Вас от души благодарю, синьор.

Мне ваш закон по сердцу, и прошу

Произнести скорее приговор.

Как, что-то есть еще?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Да, ваша светлость.

Наш обвиняемый — не падуанец.

Не здесь родившись, с герцогом покойным

Он клятвой верности не связан; он

Ему служил, как мог служить другому.

Итак, хотя он обвинен в измене,

За что закон всегда карает смертью,

Но он по праву может защищаться

Перед лицом народа и суда.

Должны мы даже прямо настоять,

Чтоб он свою защиту произнес,

Дабы тот город, где родился он,
В неправосудии не обвинил нас
И против Падуи войны не начал.
Так милосерды в Падуе законы
По отношению к чужестранцам.

ГЕРЦОГИНЯ.

Как!

Придворный мужа — чужестранец здесь?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Да, только после семилетней службы

Он может в Падуе стать гражданином.

ГВИДО. Вас от души благодарю, синьор.

Мне ваш закон по сердцу.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. МНЕ законы

Не по душе. Не будь законов, их

Не нарушали б. Каждый был бы честен.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Вот умные слова: ведут да-
леко.

СТРАЖ. На виселицу, друг.

ГЕРЦОГИНЯ.

Таков закон?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Таков закон наверно, ваша
светлость.

ГЕРЦОГИНЯ. Подайте книгу: он написан кровью.

ДЖЕППО. Смотри на герцогиню.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, проклятый!

Я вырвала б тебя из нашей жизни,

Как вырываю здесь, из этой книги.

(Вырывает страницу).

Граф Барди, подойдите; честны вы?

Доставьте быстро ко дворцу коня,

В Венецию мне надо ехать тотчас.

БАРДИ. В Венецию?

ГЕРЦОГИНЯ. Ни слова никому,

Исполните.

(Граф Барди уходит).

Синьор, одну минуту.

Вы мне сказали, что таков закон, —

Нет, нет, не сомневаюсь, что вы правы,

Хоть в деле этом и не прав закон, —

Но объясните мне, в моей ли власти

Наш суд отсрочить до другого дня?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Нельзя отсрочить дело об убийстве.

ГЕРЦОГИНЯ. Я слушать не хочу, как этот дерзкий

Бесстыдным языком порочить будет

В суде священную особу нашу.

Синьоры, мы уходим.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Ваша светлость,
Нельзя вам удаляться из суда,
Пока мы приговора не объявим.

ГЕРЦОГИНЯ. Нельзя, синьор? Но кто дает вам право
Мне воспрещать, когда хочу уйти?
Как, разве я не герцогиня ваша?
Кто ж правит городом?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Да, ваша светлость,
Вы в этом городе — источник права,
Оно из вашей воли истекает;
Едва вы удалитесь, как река,
Оно иссохнет. Вам уйти нельзя.

ГЕРЦОГИНЯ. Что ж, ты меня удержишь против воли?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Не должно вашей воле спорить
с правом.

ГЕРЦОГИНЯ. А если силой я найду дорогу?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. В суде дорогу силой не находят.

ГЕРЦОГИНЯ, Я ухожу отсюда.

(Встает с трона).

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Где привратник?
(Привратник выступает).

Ты знаешь долг свой.

(ПРИВРАТНИК закрывает двери суда, на левой стороне сцены, и, когда герцогиня со свитой приближается к ним, становится на колени).

ПРИВРАТНИК. Ваша светлость, я
Смиренно вас прошу не обращать
Моих обязанностей в непочтенье.
Служенья моего — в непослушанье.

ГЕРЦОГИНЯ. Ужель из вас, синьоры, ни единый
Не уберет с дороги болтуна?

МАФФИО. (обнажая шпагу). Я это сделаю!

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Граф Маффио,
Не смейте. (К Джеппо).

Также вы, синьор. Кто первый
Поднимет меч на служащих суда, —
Умрет еще до сумерек.

ГЕРЦОГИНЯ. Синьоры,
Вложите в ножны ваши шпаги. Я
Хочу признания убийцы слышать.

(Возвращается на свой трон).

МОРАНЦОНЕ. Теперь врага в руках ты удержишь.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ (держа песочные часы). Гвидо
Ферранти, ты, пока песок в часах

Течет, имеешь право говорить, —

Не дольше.

ГВИДО. Этого с меня довольно.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Уже стоишь ты на пороге смерти,

И говорить ты должен только правду,

Иное не поможет.

ГВИДО. Если я

Скажу иное, — пусть меня казнят.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ (перевертывая песочные часы).

Молчание — пока он говорит.

СТРАЖ. Молчание в суде!

ГВИДО. Синьоры, я,

Откуда речь свою начать, не знаю:

Так это дело странно и ужасно.

Позвольте объяснить мне, кто я родом.

Я — сын законный герцога Лоренцо,

Который был изменнически предан

Тем гнусным негодяем, кто так долго

В прекрасной Падуе, как герцог, правил.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Остерегись, напрасно ты глумишься

Над герцогом, в гробу лежащим ныне.

БАФФИО. Помилуй Бог! Так, значит, он — законный

Властитель Пармы.

ДЖЕППО. Виден в нем был рыцарь.

ГВИДО. Я сознаюсь, что с целью правой мести,

Да, с правой целью отомстить убийце,

Я к герцогу на службу поступил,

Ел хлеб его, с ним пил вино и был

Его товарищем. Я сознаюсь,

Что добивался дружбы я его,

Чтоб мне свои все тайны он открыл,

Чтоб мне стал доверять он, как когда-то

Ему отец покойный доверял.

Для этого я у него служил. (К палачу)

Топор помедли на меня клонить:

Кто знает, мне ли время умереть,

Иль голову другую плаха ждет.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Песок в часах не медлит.

Приступай

Скорей к рассказу, как убит был герцог.

ГВИДО. Я буду краток. Прошлой ночью, в полночь,

Я во дворец взобрался по веревке

С намереньем отомстить за смерть отца.

Да, с этой целью, сознаюсь, синьоры.

Все это я признал, и вот еще что:
Я подошел по лестнице до двери,
Ведущей в спальню герцога, и руку
Я протянул к пурпурной занавеске,
Дрожавшей и качавшейся под ветром;
Вдруг белый месяц в небе засиял,
Залив покой своим сребристым светом,
Ночь для меня зажгла свои светила,
И я увидел герцога в постели.
И с мыслью о возлюбленном отце,
Которого на эшафот послал он,
Схватил кинжал я, найденный случайно,
Там, в этой комнате, и прямо в сердце
Его вонзил презренному убийце!

ГЕРЦОГИНЯ (вставая с трона). О!

ГВИДО (неудержимо). Герцога убил я. Нет, синьоры,
Я милости не попрошу у вас.

Пусть только не увижу я рассвета,
Встающего над этим жалким миром.

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ. Исполним эту просьбу. Нынче ночью
Ты жизнь покончишь. Пусть его возьмут.

Пойдемте, ваша Светлость.

(ГВИДО уходит; когда он проходит мимо герцогини, она простирает к нему руки и стремительно встает со своего трона).

ГЕРЦОГИНЯ. Гвидо! Гвидо! (Падает без чувств. Картина).

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО АКТА.

АКТ V.

Темница в падуанской тюрьме; ГВИДО спит на скамье (слева); стол, на котором стоит чаша (слева); пять солдат пьют и играют в кости на углу каменного стола; у одного из них фонарь, висящий на алебарде; факел вставлен в стену над головой ГВИДО; в глубине два окна с решетками, между которыми дверь (посередине), ведущая в проход; на сцене полутьма.

1-й СОЛДАТ (бросает кости). Опять шестерки, милый Пьетро!

2-й СОЛДАТ. Черт возьми, товарищ, я больше с тобой не играю. А то проиграю все.

3-й СОЛДАТ. Все, кроме ума; ты этим крепок.

2-й СОЛДАТ. Да, этого он с меня не возьмет!

3-й СОЛДАТ. Как взять с тебя то, чего у тебя нет.

СОЛДАТЫ (громко смеются). Ха-ха-ха!

1-й СОЛДАТ. Тише! Вы заключенного разбудите; он спит.

2-й СОЛДАТ. Что за беда! Он довольно выспится,

когда его похоронят. Вот, если бы мы его разбудили в могиле, я думаю, он был бы рад.

3-й СОЛДАТ. Нет! Ведь когда он там проснется, будет день Страшного суда.

2-й СОЛДАТ. Зато и сделал он страшное дело; ты подумай: убить одного из нас, состоящих из плоти и крови, это — грех, а убить герцога — это уже преступление.

1-й СОЛДАТ. Ну, это был дурной герцог.

2-й СОЛДАТ. Поэтому он и не должен был его трогать; кто связывается с дурными людьми, сам от них заражается.

3-й СОЛДАТ. Что верно, то верно. А сколько ему лет?

2-й СОЛДАТ. Довольно, чтобы поступать по-глупому, но мало, чтобы поступать по-умному.

1-й СОЛДАТ. Этак может ему быть лет сколько угодно.

2-й СОЛДАТ. Говорят, герцогиня хотела его помиловать.

1-й СОЛДАТ. Да что ты?

2-й СОЛДАТ. Да, и очень она просила верховного судью, только тот не согласился.

1-й СОЛДАТ. А я думал, Пьетро, что герцогиня все может.

2-й СОЛДАТ. Верно, судя по ее сложению; никого я не видывал красивее.

СОЛДАТЫ (Смеются). Ха-ха-ха!

1-й СОЛДАТ. Я хотел сказать, что герцогиня все может сделать.

2-й СОЛДАТ. Нет, потому что он предан судьям, а те уже позаботятся, чтобы совершилось правосудие, — те, вместе с силачом Уго, палачом; а когда ему голову отрубят, вот тогда герцогиня может его помиловать, если ей угодно; против этого нет законов.

1-й СОЛДАТ. А мне не думается, чтобы Уго-силачу, как ты его называешь, пришлось-таки в конце концов делать свое дело. Ведь этот Гвидо из знатных и, значит, по закону, имеет право раньше выпить яд, если это ему угодно.

3-й СОЛДАТ. А если он не выпьет?

1-й СОЛДАТ. Ну, тогда ему отрубят голову. (Стук в дверь). Посмотри, кто там?

(3-й СОЛДАТ идет к двери и смотрит в окошечко, проделанное в ней).

3-й СОЛДАТ. Это, синьор, женщина.

1-й СОЛДАТ. Красива?

3-й СОЛДАТ. Не сумею сказать, она в маске.

1-й СОЛДАТ. Только очень безобразные или очень красивые женщины всегда прячут свое лицо. Впусти ее.

(Солдат отпирает дверь, входит ГЕРЦОГИНЯ в маске и в плаще).

ГЕРЦОГИНЯ (к 3-му солдату). Кто здесь начальник?

1-й СОЛДАТ (выходя вперед). Я, синьора.

ГЕРЦОГИНЯ. Я должна остаться с узником наедине.

1-й СОЛДАТ. Очень жаль, синьора, но это невозможно.

(Герцогиня подает ему перстень, тот, взглянув на него, возвращает его с поклоном и делает знак солдатам).

Ступайте отсюда!

(Солдаты уходят).

ГЕРЦОГИНЯ. Ваши солдаты немного грубы.

1-й СОЛДАТ. Они добрые ребята.

ГЕРЦОГИНЯ. Я выйду отсюда через несколько минут.

Прикажите им, когда я буду проходить мимо, не поднимать моей маски.

1-й СОЛДАТ. Не беспокойтесь, синьора.

ГЕРЦОГИНЯ. У меня есть важные причины на то, чтобы моего лица не видели.

1-й СОЛДАТ. Синьора, с этим перстнем вы можете приходить и уходить сколько вам угодно: это собственный перстень герцогини.

ГЕРЦОГИНЯ. Оставьте меня. (Солдат поворачивается, чтобы идти). Одну минуту, синьор. В каком часу назначена?..

1-й СОЛДАТ. Нам приказано, синьора, вывести его в двенадцать часов; но я не думаю, чтобы он стал нас дожидаться: по всей вероятности, он выпьет этот яд; люди палачей боятся.

ГЕРЦОГИНЯ. Это — яд?

1-й СОЛДАТ. Да, синьора, самый верный яд.

ГЕРЦОГИНЯ. Можете идти, синьор.

1-й СОЛДАТ. Черт побери, красивая рука! Кто бы это мог быть? Должно быть, его возлюбленная. (Уходит).

ГЕРЦОГИНЯ (снимая маску).

О, наконец-то! — Может он спастись

В плаще и маске: с ним мы сходны ростом,

Его — солдаты примут за меня...

А я? Мне все равно. Лишь только б он

Меня не ненавидел. А боюсь:

Он будет ненавидеть, — и по праву.

Теперь одиннадцать; придут в двенадцать.

(Подходит к столу).

Так это яд. Не странно ль: в этой чаше

Таится ключ всей мудрости земной. (Берет чашу).

Он пахнет маком. Помню хорошо,

Когда жила в Сицилии я, в детстве,

Я часто красный мак рвала в полях,

Плела венки, а мой суровый дядя,

Джованни из Неаполя, смеялся.

Не знала я тогда, что может мак

Жизнь оборвать, остановить биенье

В усталом сердце, кровь оледенить

В застывших жилах, так что наше тело

Поволокут крюками и швырнут

В могилу общую. Да, наше тело, —

А что душа? На небо или в ад

Она пойдет. Куда ж пойдет моя?

(Берет со стены факел и подходит к постели Гвидо).

Как сон его спокоен! Спит, как мальчик,

Уставший от игры. О, если б я

Могла так спать. Но сны мне снятся ночью!

(Наклоняясь над ним)

Что если поцелую я его?

Нет, я его устами обожгу!

Ему любви довольно. Все готово.

Из Падуи он нынче в ночь уедет;

И это хорошо. Синьор судья,

Быть может, умны вы; но я умнее,

И это хорошо. — Как я любила!

Но из любви цветок кровавый вырос.

(Возвращается к столу).

Лишь выпить этот сок, — всему конец.

Чем лучше ждать, когда захочет смерть

Прийти к моей постели, с черной свитой

Болезней, старости, бед, угрызений?

Ужель еще должна страдать я много?

Я слишком молода, чтоб умирать.

Но это надо. Почему же надо?

Он убежит сегодня. Кровь его

Меня не будет мучить. Нет, так надо.

Я грех свершила, и за это — смерть.

Меня любил он, и за это — смерть.

Меня не любит он, за это — смерть.

Я б умерла счастливой, если б он

Поцеловал меня; он не захочет.
Его не знала я, и мне казалось,
Что он меня предаст суду. Как странно!
Мы, женщины, умеем разгадать
Возлюбленного, лишь расставшись с ним.

(Колокол начинает звонить).

Проклятый колокол! как жадный волк,
Ты медной глоткой вопиешь о смерти.
Добычи не получишь, замолчи!
Он шевельнулся, — я должна спешить.

(Берет в руки чашу).

Любовь: любовь! любовь! не знала я,
Что так тебя я буду прославлять!

(Выпивает яд и ставит чашу на стол, сзади себя; этот шум будит Гвидо, он встает, но не видит, что она сделала. Минуту длится молчание, они смотрят друг на друга).

Я не прощения пришла просить:

Я знаю, ты простить меня не можешь.

Не будем говорить об этом. Я

Во всем созналась судьям: говорили,

Что басней я тебя спасти хочу,

Что ты — сообщник мой, что милосердьем

Играют женщины, как и любовью

Что я от горя разум потеряла;

Когда ж крестом я поклялась, они

Послали за врачом, — лечить меня.

Их было десять, Гвидо, десять против

Одной меня, и ты вполне в их власти.

Я в Падуе считаюсь герцогиней;

Не знаю, так ли это; я просила

Тебя помиловать, мне отказали.

Твердят, что ты изменник, что сама

Я это указала. Может быть,

И через час они придут сюда,

Тебя возьмут и уведут отсюда,

Связавши руки за спиной, заставят

На плахе, на колени стать. Но я

Успела их опередить. Возьми, —

Вот перстень с государственной печатью;

Ты с ним пройдешь свободно мимо стражи;

Вот плащ и маска; дан приказ солдатам

Не трогать маски; миновав ворота,

Иди налево; пред вторым мостом

Ждет конь тебя; ты будешь завтра утром

В Венеции. (Молчание).

Что ж ты не отвечаешь?

Меня проклясть не хочешь, уходя?

Ты — прав. (Молчание).

Ты, кажется, меня не понял.

Между ударом палача и нами

Осталось столько времени, в какое

В часах протечь успеет горсть песка

Из рук ребенка. Перстень — здесь. Возьми.

Нет больше крови на руке моей.

Не отвергай ее. Ты взять не хочешь?

ГВИДО (борет перстень и целует его). Возьму охотно.

ГЕРЦОГИНЯ.

И беги сейчас.

ГВИДО. Бежать?

ГЕРЦОГИНЯ. Бежать скорее, нынче ночью.

ГВИДО. Да, этой ночью я спасусь.

ГЕРЦОГИНЯ.

Да будет!

ГВИДО. Я буду жить? Милей еще ни разу

Мне не казалась жизнь.

ГЕРЦОГИНЯ.

Не медли, Гвидо.

Вот плащ и маска. Конь — ждет у моста.

Налево, мост второй, у перевоза.

Не медли, Гвидо. Разве ты не слышишь

Ужасный колокол? Ударом каждым

Он отрывает у тебя минуты.

Спеши.

ГВИДО. Все ж он прийти успеет.

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто?

ГВИДО (спокойно).

Палач.

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, Нет!

ГВИДО.

Лишь он один, мне может

Из Падуи дорогу указать.

ГЕРЦОГИНЯ. Не смеешь ты, нет, ты не смеешь, Гвидо,

Вторым убийством отягчить мне душу.

Довольно одного! Когда предстану

На Божий суд, я не хочу, чтоб ты

Явился вслед, с рубцом на белой шее,

И говорил, что я тебя убила.

ГВИДО. Я остаюсь, синьора.

ГЕРЦОГИНЯ.

ТЫ не смеешь,

Не понял разве ты, что нынче ночью

Я в Падуе бессильна точно так же,

Как женщина любая: ты умрешь.

Я видела на площади помост,

Вокруг него толпилась злая чернь,

С ужасными насмешками, со смехом,
Как будто перед кукольным театром,
А не пред троном смерти. Гвидо, Гвидо,
Ты должен убежать.

ГВИДО. Я остаюсь.

ГЕРЦОГИНЯ (ломаю руки). Ужели мало одного греха?

Ужель он должен возрастить второй,
Ужасней первого, чтоб тот стал явным?
Замкни грехов утробу, загради.
Я не хочу, чтоб снова запятнала
Мне руки кровь.

ГВИДО (хватая ее за руку). Ужель так низко пал я,
Что за тебя не смею умереть?

ГЕРЦОГИНЯ (вырывая руку).

Как, за меня? — но жизнь моя позорна
И брошена в пыли земных путей;
Ты за меня не должен умирать:
Я — грешница.

ГВИДО. Пусть это скажет тот,
Кто не познал, что значит искушение,
Кто не бродил, как мы с тобой бродили,
В огне страстей, чья жизнь бледна и скучна
Да, если есть на свете человек,
Кто не любил ни разу, пусть в тебя
Он бросит камнем. Но не я.

ГЕРЦОГИНЯ. Увы!

ГВИДО (падая к ее ногам).

Ты — вся моя любовь и весь мой мир!
О, золото волос! о, пурпур губ!
Все это создано — лишь для любви!
Очарованья воплощенный образ!
Тобой любяясь, забываю все,
Тобой любяясь, я с тобой сливаюсь,
Тобой любяясь, счастлив я, как бог,
Пусть будет тело брошено на плаху,
Моя любовь бессмертна!

(Герцогиня закрывает лицо руками; Гвидо отводит их).

О, открой

Дрожащий завес этих милых глаз,
Чтоб я сказал, глядя на эти очи,
Что никогда так не любил тебя.
Как ныне, в час, когда нас разделяют
Уста холодной смерти. Беатриче,
Я говорю тебе: люблю! Ответь же!

Да, я могу перенести топор,
Но не твое молчанье! Повтори же
Мое «люблю»! Скажи одно мне слово,
И смерти притупится лезвие!
Но ты молчишь, и тысяча смертей
В сравненьи с этим легче. Ты меня
Не любишь, ты жестока.

ГЕРЦОГИНЯ. Я не смею.
Я залила любви невинной руки
Багряной кровью. Здесь повсюду кровь.
Она вокруг меня.

ГВИДО. О, нет, не ты!
Какой-то дьявол искусил тебя.

ГЕРЦОГИНЯ (внезапно вставая).
Мы сами — дьявол свой, и целый мир
Мы превращаем в ад.

ГВИДО. Так пусть мой рай
Низвергнут будет в Тартар. Этот мир
Я в небо превращу на эти миги!
О, если был здесь грех, то был он — мой.
Кто, как не я, вскормил убийство в сердце,
Им подслащая яства и вино,
Я герцога сто раз на дно кинжалом
Пронзал в моих мечтах. И если б мог он
Хоть в половину умирать так часто,
Как я того желал, — всегда стояла б
Смерть во дворце и рыскало убийство,
Но ты, о, дорогая, ты жалела
Побитую собаку, на тебя
С восторгом улыбались дети, ты
С собой вносила всюду ясность солнца,
Ты, белый ангел чистоты небесной, —
Не можешь быть виновна во грехе!
Что ж это было?

ГЕРЦОГИНЯ. Было что? Порою
Все, что свершилось, кажется мне сном,
Что мне послал какой-то демон злой,
Но тотчас вижу бледный лик во гробе
И сознаю, что то не сон, что руки
Мои в крови, и что душа моя,
В своей любви искавшая приюта
Под грозной бурей мира, — челн свой утлый
Разбила об утес греха. Спросил ты,

Что это было? Ах, — одно убийство.

Ужасное убийство. Только это.

ГВИДО. Нет, нет и нет! То был цветок стра-
дальный

Твоей любви; в единый миг он прожил
Жизнь скорби, и в единый миг он дал
Кровавый плод, который я в мечтах
Срывал так много раз. Моя душа
Была убийцей, руки были слабы;
Твоя душа — чиста, хотя руками
Свершила ты убийство. Беатриче,
За это я люблю тебя, и тот,
Кто в милосердии тебе откажет,
Да будет проклят. Поцелуй меня.

(Пытается поцеловать ее).

ГЕРЦОГИНЯ (уклоняясь). Твои уста чисты, мои преступны.

Любовником мне было преступленье,
И грех со мной лежал на ложе. Нет!
Но, если любишь ты меня, — беги.
Ведь каждый миг подтачивает жизнь
Твою, как червь. Беги, мой милый. Если
Ты вспомнишь обо мне когда-нибудь,
То знай, что я тебя любила больше,
Чем могут полюбить другие! Помни,
Что я любви пожертвовала жизнью,
Но тем любовь убила... Что такое?
Звук колокола смолк. Я слышу ясно
По лестнице шаги солдат.

ГВИДО (в сторону). Идут

Уже за мной.

ГЕРЦОГИНЯ. Что ж колокол замолк?

ГВИДО. Он подал знак, что близится конец

Моей несчастной жизни в этом мире.

Но в мире лучшем будем мы с тобой!

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, нет, еще не поздно, поспеши.

Конь у моста, беги, не медли, Гвидо.

(Шум солдат в проходе).

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Верховному судье дорогу!

(Сквозь решетчатое окно видно, как проходит верховный судья,
предшествуемый людьми с факелами).

ГЕРЦОГИНЯ.

Поздно.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Дорогу палачу!

ГЕРЦОГИНЯ (падая).

О! О!

(Видно, как палач проходит с топором на плечах, сопрово-
ждаемый монахами с горящими свечами).

- ГВИДО. Прощай,
Моя любовь! Мне должно выпить яд.
Я смерти не боюсь, но не хочу
Я умирать на площади, один.
Здесь, здесь, в твоих руках, тебя целую,
Умру счастливым...
(Идет к столу и берет чашу).
Как, она пуста?
- Скупой тюремщик, пожалел ты яду!
- ГЕРЦОГИНЯ (слабо). Его не обвиняй.
- ГВИДО. Как, это — ты?
Ты выпила? Скажи мне, Беатриче,
Что нет.
- ГЕРЦОГИНЯ. Когда б я стала отрицать,
Огонь, сжигающий мне сердце, скоро
Тебе все объяснил бы.
- ГВИДО. Ты жестока,
Зачем мне не оставила ни капли!
- ГЕРЦОГИНЯ. Для одного лишь было здесь довольно.
- ГВИДО. О, нет ли яду на губах твоих? —
Его я поцелуем выпью!
- ГЕРЦОГИНЯ. Нет!
Ты не убил и умереть не должен.
Убила я и умереть должна.
Ты помнишь: кровь за кровь. Кто так сказал?
Я позабыла.
- ГВИДО. Подожди. Умрем
С тобой мы вместе!
- ГЕРЦОГИНЯ. Нет, ты должен жить.
Есть в мире много женщин, и они
Тебя полюбят, не свершив убийства.
- ГВИДО. Люблю одну тебя.
- ГЕРЦОГИНЯ. Но умереть
Не должен ты!
- ГВИДО. Возлюбленная! Если
Умрем мы вместе, можно будет лечь
И вместе нам в могилу.
- ГЕРЦОГИНЯ. Будет
Для ложа брачного тесна могила.
- ГВИДО. Достаточно для нас!
- ГЕРЦОГИНЯ. Ее закроют
Суровым саваном, полынью горькой;
Нет больше на могилах алых роз,

А если были, все они увяли
С тех пор, как муж убит мой.

ГВИДО. Беатриче,

Есть розы уст твоих, — те не увянут!

ГЕРЦОГИНЯ. О, нет, в могиле станут серым прахом

Мои уста, как и твои глаза

Влюбленные в глазницах помертвеют,

И черви стай нам изложут сердце.

ГВИДО. Я не боюсь. Любовь сильнее смерти.

Во имя торжествующей любви

Умру с тобою!

ГЕРЦОГИНЯ. Но в могиле мрачно,

В гробу темно. Так, я иду вперед,

Чтоб светочи зажечь перед тобою.

Нет, не хочу я смерти! не хочу!

О, милый мой, ты силен, молод, храбр;

Стань между мной и ангелами смерти,

Сражайся с ними за меня.

(Ставит Гвидо перед собой).

Тебя

Я поцелую, если победишь.

Ужель нет средств спасти меня от яда?

Ужель в Италии нет больше рек,

Что ты не хочешь дать мне горсть воды,

Чтоб загасить огонь!

ГВИДО. О, Боже!

ГЕРЦОГИНЯ. Гвидо!

Что ж ты скрывал, что засуха в стране,

Что нет воды, и что везде — огонь!

ГВИДО. О, Беатриче!

ГЕРЦОГИНЯ. Позови врача,

Но не того, кто состоял при муже,

Другого! Позови врача. Скорее.

Я знаю, есть лекарства против яда, —

Нам продадут их, если мы заплатим.

Скажи ему: я Падаю отдам

За час единый жизни! Умирать

Я не хочу. Мне больно. Умираю,

Не прикасайся. Яд мне сердце жжет.

Не знала я, как страшно умирать.

Я думала, что жизнь взяла себе

Все муки. Нет, не так.

ГВИДО. Гасите, звезды

Проклятия, в слезах свое сиянье!

Пусть месяц не выходит нынче ночью!

ГЕРЦОГИНЯ. Зачем мы здесь? Мне кажется, мой Гвидо,

Для брачной комнаты здесь слишком бедно.

Уйдем скорей отсюда. Где же кони?

Давно пора в Венецию нам ехать.

Как холодно. Поскачем поскорей.

(Монахи начинают петь за сценой).

Поют? Напев печален. Но теперь

Везде печаль, — не знаю, почему.

Не надо плакать: мы друг друга любим;

Довольно этого. Зачем здесь смерть?

Кто вас позвал за этот стол, синьора?

Прочь! Ты нам не нужна! Послушай, я

Пила не яд, а в честь твою вино.

Ложь, будто бы мной выпит яд; он пролит

На землю, как та кровь. Ты опоздала.

ГВИДО. Здесь никого нет с нами, дорогая!

Все это — только призраки твои.

ГЕРЦОГИНЯ. Зачем ты медлишь, смерть! Ступай на-
верх;

Там есть остатки после похорон,

Возьми себе; мы здесь справляем свадьбу.

Тебе не место здесь. К тому же — лето.

Нам пламени подобного не надо,

Ты нас сожжешь. О, Гвидо, я горю!

О, помоги мне! дай воды! воды!

Иль больше яду! Нет, вся боль прошла, —

Как странно: боли в теле не осталось, —

И смерть ушла, — как этому я рада.

Она — нас разлучить хотела. Гвидо,

Жалеешь ты, что встретился со мной?

ГВИДО. Без этого не стоило и жить,

Клянусь тебе! И многие на свете

Умрут охотно за подобный миг,

Но не найдут его!

ГЕРЦОГИНЯ. Ты не жалеешь?

Как это странно!

ГВИДО. Беатриче! Я

Лицом к лицу стоял пред красотой.

Довольно этого для нашей жизни.

О, милая! Я — счастлив. Часто прежде

Сидел я на пирах, но что сравнится

С тем пиром, на котором мы теперь?

Здесь наши кравчие — любовь и смерть,
Любили вместе мы, умрем мы вместе.

ГЕРЦОГИНЯ. Всех женщин я преступнее была,
Всех женщин я наказана жесточе.
Ты веришь ли, — нет, это невозможно, —
Ты веришь ли, что с рук моих любовь
Способна смыть кровавое пятно, —
Бальзамом раны сердца окропить
И сделать грех багряный чище снега?
Я много согрешила.

ГВИДО. Тот невинен,
Кто согрешил из-за любви.

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, много
Я согрешила, но, быть может, мне
Простят за то, что я любила много!

(Они целуют теперь друг друга, впервые в этом акте, но вдруг герцогиня вскакивает в мучительной судороге смерти, рвет в агонии свои волосы и наконец, с лицом измененным и искаженным болью, падает мертвой на скамью. Гвидо, выхватив у нее из-за пояса кинжал, закалывается; падая на ее колени, он увлекает плащ, повешенный на спинке скамьи, и покрывает ее всю этим плащом. Несколько мгновений длится молчание. Потом из прохода слышны шаги солдата; дверь открывается, и входят: верховный судья, палач и стражи; они видят фигуру, покрытую черным, и Гвидо, лежащего мертвым у ее ног. Верховный судья устремляется вперед и подымает плащ с герцогини, лицо которой теперь подобно мрамору и исполнено мира, как знак, что Бог простил ее. Картина).

КОНЕЦ ПЬЕСЫ.

1882—1883.